

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Вера Владимировна Залеская

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПАРНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПИСЬМАХ Т. МАННА

Выпускная квалификационная работа магистра

Направление подготовки: Лингвистика 45.04.02

Профиль: Теория перевода и межъязыковая

коммуникация: немецкий язык;

Научный Руководитель:

к.ф.н., доцент Пономарева Т.В.

Рецензент:

к.ф.н., доцент Алексеева И.С.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Парные словосочетания и окказионализмы: понятие и перевод	6
1.1. Парные словосочетания.....	6
1.2. Окказионализмы.....	15
1.3. Перевод фразеологических и окказиональных единиц	23
Выводы по Главе 1	32
Глава 2. Окказиональные парные словосочетания в письмах Т. Манна и способы их перевода.....	34
2.1. Письма Т. Манна как материал исследования	34
2.2. Классификация примеров по способам перевода.....	40
2.3. Особенности перевода частеречных классов окказиональных словосочетаний.....	49
2.3.1. Особенности перевода субстантивных словосочетаний	50
2.3.2. Особенности перевода адъективных словосочетаний	61
2.3.3. Особенности перевода глагольных словосочетаний	69
2.4. Сопоставление переводческих стратегий.....	73
Выводы по Главе 2	78
Заключение	80
Список использованной литературы.....	82
Приложение	88

Введение

В процессе передачи текста с одного языка на другой переводчик неизбежно сталкивается с трудностями. Помимо несоответствия грамматического строя и словарного состава языков, проблему может представлять и подбор переводных эквивалентов для определённых категорий языковых единиц — например, безэквивалентной лексики или не свойственных языку перевода синтаксических конструкций. Однако случается и так, что вызывающая трудности единица имеет целый ряд специфических свойств, и приходится искать комплексное переводческое решение для передачи этих особенностей оригинала адекватным образом.

Одной из таких единиц является окказиональное парное словосочетание. На первый взгляд данное обозначение может показаться парадоксальным: ведь парное словосочетание — фразеологическая единица, подразумевающая устойчивость и воспроизводимость структуры в неизменном виде, а окказиональность — это невозможность, «одноразовость» употребления, которая, казалось бы, противоречит фразеологическому характеру словосочетания. Но на самом деле эти свойства вовсе не исключают, а наоборот, дополняют друг друга: устойчивая фразеологическая парная структура каждый раз наполняется новыми окказиональными компонентами. Тем не менее, и окказиональность, и фразеологический характер данных единиц и сами по себе представляют сложность при переводе, не говоря уже о передаче на иностранный язык комбинации этих свойств в сочетании с не самой типичной синтаксической структурой.

Более того, окказиональные парные словосочетания не ограничены какой-либо одной областью употребления: они встречаются как в литературной, так и в разговорной сфере общения. Своего рода переходной зоной между этими двумя стилями является эпистолярный жанр, в котором гармонично сочетаются языковые средства обеих сфер общения.

В данной работе мы исследуем перевод окказиональных парных словосочетаний в письмах Томаса Манна, выполненный С.К. Аптом, и анализируем стратегии, которые использовал переводчик при передаче данного типа немецких словосочетаний на русский язык.

Таким образом, **объектом** нашего исследования являются стратегии перевода окказиональных парных сочетаний, **предметом** — немецкие окказиональные парные словосочетания и их русские переводные эквиваленты, **материалом** — 279 писем Т. Манна, написанных им в период с 1901 по 1955 год, а также их перевод. Выбор материала обусловлен тем, что окказиональные парные словосочетания занимают особое место в языке немецких писателей, в частности это очень характерно проявляется в творчестве Томаса Манна. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается в письмах писателя, опубликованных после его смерти.

Цель данного исследования — выявить оптимальные стратегии перевода немецких окказиональных парных словосочетаний на русский язык. Для её достижения необходимо выполнить следующие **задачи**:

- изучить подходы к рассмотрению окказиональных и парных словосочетаний, а также стратегий их перевода, представленные в русской и немецкой научной литературе;
- выделить окказиональные парные словосочетания в письмах Т. Манна;
- сопоставить выделенные словосочетания с их переводом на русский язык;
- определить, какие стратегии использовал С.К. Апт при переводе данных словосочетаний;
- проанализировать использование переводчиком этих стратегий.

Соответственно, мы будем использовать следующие **методы**:

- ✓ сопоставительный метод;
- ✓ метод сплошной выборки примеров;
- ✓ метод структурного анализа;

- ✓ метод семантического анализа;
- ✓ метод наблюдения;
- ✓ описательный метод.

Круг лингвистических проблем диссертации включает перевод окказионализмов и фразеологических структур, поиск оптимальных переводческих стратегий. При рассмотрении теоретических вопросов мы будем опираться на работы русских и немецких лингвистов, в частности И.И. Чернышевой, И.Г. Ольшанского, Э.И. Ханпиры, И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, С.И. Влахова и С.П. Флорина, В. Флейшера, В. Коллера и др.

Теоретическую основу исследования составляет обзор подходов к описанию окказиональных и парных словосочетаний в русской и немецкой литературе, а также стратегий перевода данных типов словосочетаний. Эти вопросы освещены в первой главе. Во второй главе содержится классификация примеров по способам перевода, а также сопоставительный анализ различных переводческих стратегий.

В результате мы получили перечень стратегий перевода окказиональных парных словосочетаний и подробное описание применения этих стратегий к разным классам словосочетаний.

Новизна данной работы обусловлена тем, что окказиональные парные словосочетания мало изучены в современном русском переводоведении. Тем не менее, их перевод представляет особую трудность, так как они относятся к области «непереводимого в переводе» и для них нельзя определить какую-либо универсальную переводческую стратегию.

Актуальность и практическая значимость исследования заключаются в важности его результатов как для письменного, так и для устного перевода. Ведь окказиональные парные словосочетания характерны для разных типов немецких текстов, а установление оптимальных (и альтернативных) способов их передачи на русский язык поможет переводчикам при выборе адекватного эквивалента.

Глава 1. Парные словосочетания и окказионализмы: понятие и перевод

1.1. Парные словосочетания

Парные словосочетания представляют собой довольно распространённое явление в системе немецкого языка. Словарь Duden [60] определяет парное словосочетание (Zwillingsformel) как устойчивое сочетание в языке, состоящее из двух слов, соединённых союзами „und“ («и») или „oder“ («или»): напр., *Haus und Hof*¹. В. Флейшер [38, С. 111—112] рассматривает парные словосочетания (phraseologische Wortpaare, Paarformeln oder Zwillingsformeln) в рамках фразеологии и также отмечает их характерную структуру: как правило, это два (реже — три) слова одной части речи, соединённые союзом (чаще всего „und“ («и»), „weder...noch“ («ни...ни»), „oder“ («или»)) или предлогом („in“ «в»). Кроме того, он обращает внимание на семантическую близость компонентов парного словосочетания: обычно это синонимы, антонимы, обозначения дополняющих друг друга понятий или другие семантически близкие типы слов. Компоненты могут принадлежать к какой-либо из знаменательных частей речи, при этом всё словосочетание выполняет единую синтаксическую функцию.

В русском языке парные словосочетания менее распространены, чем в немецком. Поэтому в русской научной литературе это понятие довольно часто трактовалось в применении именно к немецким парным словосочетаниям. И.Г. Ольшанский [17, С. 6—7] определяет «парные сочетания слов» (русский эквивалент термина „Zwillingsformeln“) как «фразеологические единицы, которые состоят из двух различных или повторяющихся слов (полнозначных или служебных), принадлежащих, как правило, к одной и той же части речи и соединяемых сочинительными

¹ <http://www.duden.de/rechtschreibung/Zwillingsformel>

союзами “und“, реже „oder“, „weder...noch“ или же простыми предлогами с подчинительной связью компонентов»: напр., *wie Milch und Blut aussehen, Hals über Kopf*. И.И. Чернышева [26, с. 59; 36, с. 47] делает акцент на семантических признаках: «парными сочетаниями слов» („Zwillings- bzw. Paarformeln“) она называет «фразеологизмы с целостным смыслом, возникающим в результате семантического преобразования сочинительных словосочетаний, включающих два однородных слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия) и соединяемых при помощи союза „und“, реже „oder“, „weder...noch“».

Термин «сочетание слов» используется авторами для обозначения «соединения слов с сочинительной связью в отличие от словосочетаний с подчинительной связью компонентов» [17, с. 5]. Ведь, как справедливо отмечает Г.Н. Эйхбаум [29, с. 246], некоторые лингвисты не признают существование сочинительных словосочетаний (например, Н.С. Валгина [6, с. 29]). Однако тех, кто считает их выделение обоснованным, сейчас всё-таки большинство. В современной русской научной литературе [9; 10] укрепился термин «парное словосочетание», который мы и будем использовать для обозначения данного языкового явления в своей работе.

Термины *Zwillingsformeln* и *Wortpaare* обычно считаются синонимичными [38, с. 111; 9, С. 9—10]. Но З.Г. Гергиева [9, с. 10] на основании исследования немецких словосочетаний проводит различие между этими двумя понятиями: *Wortpaare* — это сочетания разных слов (которые могут быть синонимами, антонимами: напр., *Tag und Nacht, klar und deutlich*), а *Zwillingsformeln* — это сочетания двух одинаковых слов, «компонентов-близнецов»: напр., *durch und durch, Kopf an Kopf, Schritt für Schritt, um und um*. Примерно по тому же принципу И.Г. Ольшанский [17, с. 7] разделяет парные словосочетания на парные соединения (напр., *Tag und Nacht, wohl oder übel*) и парные повторы (напр., *Hand in Hand, durch und durch*) соответственно; однако и соединения, и повторы при этом входят в более общее понятие *Zwillingsformeln*.

Традиционно и в немецкой, и в русской научной литературе парные словосочетания рассматриваются как особый вид фразеологических единиц [18, С. 210, 215, 219, 221, 225—229]. В. Флейшер [38, с. 111] называет этот вид словосочетаний «*phraseologische Wortpaare*», И.Г. Ольшанский [17, С. 4, 12—13] — «парными фразеологизмами», которые, как правило, являются фразеологическими эквивалентами слова, И.И. Чернышева [26, с. 59; 36, с. 36] относит их к фразеологическим единствам («*phraseologische Einheiten*»). В качестве критериев фразеологических единиц И.Г. Ольшанский [17, с. 5] приводит семантическую целостность, высокую частотность в речи, устойчивость синтаксической структуры.

Согласно И.Г. Ольшанскому [17, с. 10], семантическая целостность парных словосочетаний обусловлена следующими причинами:

- единством образа в метафорических парных сочетаниях: напр., *unter Dach und Fach, zwischen Tür und Angel*;
- отнесенностью к одному и тому же или близким понятиям (при синонимичных или тематически близких компонентах, напр., *Art und Weise, schalten und walten*) или отнесенностью к родовому понятию более высокого порядка (при компонентах-антонимах, напр., *Tag und Nacht, groß und klein*).

При этом целостное значение парного словосочетания, как указывает В. Флейшер [38, с. 112], представляет собой либо метафору, основанную на сочетании компонентов, либо уточнение, усиление или иные экспрессивные модификации значения одного из компонентов. И.Г. Ольшанский [17, с. 8] на основании анализа немецких парных словосочетаний делает вывод о формировании их семантики: чаще всего парные словосочетания образуются на основе многозначных слов с опорой на их основное значение, и эти слова взаимно уточняют и суживают семантическую структуру друг друга. Однако бывают и другие случаи: О. Бехагель [33, С. 156—157] пишет также о том, что в парных словосочетаниях могут сохраняться устаревшие слова (напр., *in Saus und Braus, Fug* в *mit Fug und Recht*) или значения слов (напр., *Fach* в

значении «Fachwerk» в *Dach und Fach*), а уникальные компоненты могут быть образованы специально для какого-либо сочетания: напр., *Krach* в *mit Ach und Krach*, *blink* в *blink und blank* (по мнению Х. Бургера, такие компоненты обладают спорным лексикологическим статусом [34, с. 393]).

Таким образом, получается, что при семантической целостности у парных словосочетаний одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения [17, с. 10].

С точки зрения синтаксиса, согласно И.Г. Ольшанскому [17, С. 12, 15], парные словосочетания представляют собой сочинительные (с союзной связью) или подчинительные (с предложной связью) сочетания слов, принадлежащих к одной и той же части речи, выступающие как один член предложения. При этом для парных соединений характерна союзная связь, а для парных повторов — как союзная, так и предложная, что в некоторых случаях приводит к тождеству этих двух типов связи: напр., *Jahre und Jahre = Jahre über Jahre*. В. Флейшер [38, С. 112—113] также отмечает особый вид сочинительных парных словосочетаний с предлогом, функционирующих как предложная группа: напр., *mit Ach und Krach, aus nah und fern*.

Важную роль играет и частеречная принадлежность компонентов парных словосочетаний: именно на этом признаке основана наиболее распространенная их классификация. М.Д. Степанова и И.И. Чернышева [53, с. 187] называют её классификацией по синтаксическим моделям и разделяют немецкие парные словосочетания на четыре группы:

- субстантивные: *Feuer und Flamme, mit Haut und Haar, Schritt für Schritt*;
- адъективные: *krumm und lahm, alt und jung, verflucht und zugenäht*;
- глагольные: *hegen und pflegen, nicht leben und nicht sterben können*;
- наречные: *hin und wieder, ab und zu*.

При этом преобладают в языке субстантивные парные словосочетания: согласно исследованию И.Г. Ольшанского [17, с. 12], они составляют около 67% от общего числа.

В. Флейшер [38, С. 147—163] в аналогичной классификации учитывает не только часть речи компонентов, но и синтаксическую функцию парного словосочетания, а также парадигму словоизменения. Те же самые группы получают несколько иное наполнение: к субстантивным словосочетаниям относятся сочетания существительных в функции подлежащего или дополнения: напр., *Hab und Gut, Wachsen und Werden, Für und Wider*, к адъективным — сочетания прилагательных в падежной форме и в функции определения: напр., *eine klipp und klare Stellungnahme, eine erstunkene und erlogene Geschichte*, к глагольным — сочетания глаголов в функции сказуемого: напр., *hegen und pflegen, zittern und zagen*, к наречным — сочетания существительных, наречий или прилагательных с предлогом или без в функции обстоятельства или предикатива: напр., *Tag und Nacht, durch und durch, null und nichtig, mit Ach und Krach, im großen und ganzen, von Zeit zu Zeit*.

Тем не менее, возникает вопрос: те словосочетания, которые таким образом причисляются к адъективным, в других контекстах могут употребляться как наречные и, соответственно, относиться к наречным. Стоит ли тогда разделять эти два вида словосочетаний? Проблему разграничения немецких прилагательных и наречий подробно рассматривает Г.Н. Эйхбаум [29, С. 148—149, 157—158], придерживаясь следующей позиции: она вводит понятия адъектива и адверба вместо традиционных прилагательного и наречия соответственно; к адъективам относятся прилагательные и качественные наречия, а к адвербам — «традиционные» наречия за исключением качественных.

Существует и другая классификация парных словосочетаний, введённая И.Г. Ольшанским [17, с. 11], которая учитывает их эквивалентность части речи и преобладающую синтаксическую функцию определённого члена предложения. Эта классификация избегает сложностей при разграничении немецких прилагательных и наречий, но, как и классификация В. Флейшера, требует постоянного обращения к контексту.

Она включает следующие семантико-синтаксические группы парных словосочетаний:

- субъектно-объектные;
- адвербиальные;
- атрибутивные (в т. ч. атрибутивно-предикативные);
- предикативные (глагольные).

Однако эти четыре группы обладают разной частотностью в речи: согласно И.Г. Ольшанскому [17, с. 11], чаще всего встречаются субъектно-объектные (около 43% всех случаев) и адвербиальные (около 35%) парные словосочетания.

Семантическое и синтаксическое единство парных словосочетаний поддерживается и на других уровнях языка. Морфологическая целостность особенно ярко проявляется у субстантивных и адъективных парных словосочетаний: И.И. Чернышева [26, с. 60] указывает на отсутствие артикля, опущение флексии у первого или обоих компонентов (напр., *ein klipp und klares Ja*) и выравнивание грамматического рода субстантивных компонентов (напр., *mit all ihrem Hab und Gut*). О. Бехагель [33, с. 289] подчёркивает также выравнивание числа компонентов: напр., *durch Feld und Wald zu schweifen = durch den Wald, durch die Felder zu schweifen*. Как отмечает И.Г. Ольшанский [17, с. 16], в целом с морфологической точки зрения парные словосочетания характеризуются неполным набором грамматических форм и категорий у компонентов.

Кроме того, парные словосочетания часто обладают особыми свойствами и на фонетическом уровне. И.И. Чернышева [26, С. 60—61] обращает особое внимание на ударение, три вида рифмы (аллитерация, конечная рифма, ассонанс), действие закона нарастающих членов при неравной величине компонентов: напр., *hoch und heilig*, повышенную «сонорность» второго компонента, в то время как в первом сонант либо отсутствует, либо находится в менее выгодном фонетическом окружении. З.Г. Гергиева [9, с. 11] отмечает распространённое в парных словосочетаниях

чередование звуков [i] и [a]: напр., *Zwist und Hader, Zittern und Zagen*, а также смещение ударения на второй компонент при действии закона нарастающих членов. В.В. Левицкий [14, с. 407] на основании проведённого им статистического анализа утверждает, что чем большим семантическим сходством обладают слова, входящие в состав немецких парных словосочетаний, тем больше их фонетическое сходство, и наоборот. Из этого следует, что антонимы характеризуются меньшим фонетическим сходством, чем синонимы.

Таким образом, парное словосочетание представляет собой фразеологическую единицу, обладающую целостными семантическими, синтаксическими, морфологическими и фонетическими свойствами.

Возникновение в языке этого типа единиц обусловлено целым рядом причин. И.Г. Ольшанский [17, С. 7—8] приводит в качестве основных из них потребность языка в средствах обобщения (напр., *Mann und Frau, groß und klein*) и усиления (напр., *Hab und Gut, hegen und pflegen*), а также тенденцию к коммуникативной чёткости языковых единиц (*Deutlichkeitstrieb*). Следовательно, наибольшее значение здесь отводится семантике: парные словосочетания появляются в языке для выражения определённого типа значений и обладают предельно чёткой семантикой, так как сочетание компонентов модифицирует их значение и нейтрализует многозначность. Основными фиксированными источниками парных словосочетаний, согласно И.Г. Ольшанскому [17, с. 9], являются фольклор, профессионально-специальная лексика, творчество выдающихся писателей и мыслителей, территориальные диалекты, в последнее время значительно возросла роль таких источников, как художественная литература и публицистика. И.И. Чернышева [26, с. 61] называет основными сферами функционирования парных словосочетаний литературную и литературно-разговорную сферы общения. Она ссылается на результаты количественного анализа [36, с. 115], согласно которому парные словосочетания занимают второе место по частоте употребления в художественных текстах после глагольных фразеологизмов.

Кроме того, парные словосочетания представляют собой одну из продуктивных моделей образования фразеологизмов [32, С. 30—31]. И.И. Чернышева [26, с. 61] указывает, что продуктивный характер парных словосочетаний подтверждается активной фразеологической деривацией на основе продуктивных структурных типов. Она выделяет пять основных моделей парных словосочетаний:

- [Präp] + S + Konj + S: *Freund und Feind, in Hülle und Fülle, auf Tod und Leben, auf Schritt und Tritt*;
- S + Präp + S: *Schritt für Schritt, Schritt um Schritt, Hand in Hand*;
- Adj [Part] + Konj + Adj [Part]: *alt und jung, geschniegelt und gebügelt*;
- Adv + Konj + Adv: *hin und wieder, hin und her*;
- V + Konj + V: *hegen und pflegen, schinden und schaden, sich schinden und plagen*.

И.Г. Ольшанский [17, С. 18—19] выделяет 13 типов субстантивных парных словосочетаний, продуктивными из которых являются пять:

- N₁ k N₂: *Art und Weise*;
- p N₁ k N₂: *auf Schritt und Tritt*;
- N₁ p N₁: *Hand in Hand*;
- p₁ N₁ p₂ N₁: *von Zeit zu Zeit*;
- N₁ k Gegen-N₁: *Beweis und Gegenbeweis*.

Среди парных прилагательных и причастий И.Г. Ольшанский [17, с. 19] выделяет 8 структурных типов (из которых 6 являются продуктивными), у парных глаголов — четыре структурных типа; остальные части речи он считает малопродуктивными в процессе образования парных словосочетаний.

Продуктивный характер парных словосочетаний особенно ярко проявляется в окказиональных авторских образованиях. И.И. Чернышева [36, с. 117] пишет о построении ситуативных парных словосочетаний в публицистике и художественной литературе, которые образуются

специально в рамках конкретного текста и существуют только внутри него: напр., *mit Lutz und Lüge, Charm und Chic aus Warschau*; такие сочетания относятся к окказионализмам (об окказионализмах см. подробнее в следующем разделе), если они не являются устойчивыми единицами языка в определённый период жизни общества. И.Г. Ольшанский [17, с. 7] отмечает, что множество окказиональных образований в речи создаётся по типу парных повторов.

Существует ещё один тип единиц, которые традиционно не относятся к окказиональным парным словосочетаниям, но мы считаем возможным рассматривать по крайней мере некоторые подобные случаи в рамках данной категории. Речь идёт о том, что А.Н. Зуев и др. [56, с. 536] называют «синтаксически обусловленной деструкцией», при которой тождественная часть сохраняется только у одного из слов в словесном ряду, и в результате её опущения у других слов определённые словообразовательные элементы получают некоторую синтаксическую самостоятельность: напр., *Ein- und Ausschalten, jeden Vor- und Nachmittag*. Особенно часто это явление встречается при словосложении: напр., *eine Regional- und Senatsreform*. Более того, Д. Буссе [35, с. 410] включает подобные примеры в разряд парных словосочетаний.

Основаниями для рассмотрения подобных единиц в рамках окказиональных парных словосочетаний мы считаем: а) семантическую близость компонентов и целостность значения всей конструкции; б) морфологическое единство; в) графическую целостность; г) принцип экономии языковых средств, описанный В. Шмидтом [51, с. 162]. Этот принцип заключается в том, что в процессе коммуникации мы пытаемся достичь своей цели, прикладывая при этом как можно меньше усилий. В данном случае это выражается в соединении семантически близких слов с тождественной частью, которую достаточно повторить лишь однажды, так как при опущении её в других словах ряда исчезает только избыточность, но

не смысл. Семантическая целостность сохраняется и поддерживается также на морфологическом и графическом уровне.

Итак, в силу определённых языковых тенденций состав парных словосочетаний постоянно пополняется на основе продуктивных структурных типов. Этим объясняется большое количество окказиональных образований данного типа в разговорной речи, публицистике и художественной литературе.

1.2. Окказионализмы

Понятие окказионализма существует в лингвистике уже давно, однако в его трактовке до сих пор остаётся много спорных моментов.

В русских лингвистических трудах окказиональное слово понимается как «неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, обычной номинации, так и с художественной целью» [25, с. 249]. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» [55, с. 273] характеризует окказиональные единицы как не узуальные, не соответствующие общепринятому употреблению, характеризующиеся индивидуальным вкусом и обусловленные специфическим контекстом употребления. Таким образом, окказионализмы рассматриваются с точки зрения их словообразовательных, лексических и прагматических особенностей.

В немецкой научной литературе для обозначения окказиональных слов используются понятия *Okkasionalismus*, *Ad-hoc-Bildung* и *Gelegenheitsbildung*. Термин «*Okkasionalismus*»² определяется в словаре Duden [60] как образованное в какой-либо конкретной ситуации (не лексикализованное) слово (с пометой «лингв. устар.»), «*Ad-hoc-Bildung*»³ — как слово, образованное специально для конкретной цели, а

² <http://www.duden.de/rechtschreibung/Okkasionalismus>

³ http://www.duden.de/rechtschreibung/Ad_hoc_Bildung

«Gelegenheitsbildung»⁴ — как слово, которое может быть образовано в любой момент, но не является устойчивым элементом словарного состава языка. Единство терминологии в данном случае отсутствует, однако подход к рассмотрению окказионализмов в принципе не отличается от принятого в русской лингвистической традиции.

Термины «Okkasionalismus» и «Ad-hoc-Bildung» кажутся синонимичными, но некоторые авторы проводят между ними различие. К. Цемзауэр [54, с. 48] считает «Ad-hoc-Bildungen» подгруппой «Okkasionalismen»: к «Okkasionalismen» он относит слова, которые не входят в узус; если для них характерно только однократное употребление, то это уже «Ad-hoc-Bildungen». При этом то, что соответствует приведённому выше определению «Gelegenheitsbildungen», в русской научной литературе обычно называют «потенциальным словом» [4, с. 4; 24, с. 155]. Некоторые лингвисты включают потенциальные слова в состав окказиональных, другие рассматривают их как отдельное языковое явление; при этом считается, что потенциальные слова создаются без нарушения языковой нормы, а собственно окказиональные подразумевают противоречие ей [4, с. 7]. При таком понимании потенциальных слов мы будем включать их в состав окказиональных.

Другая проблема возникает при разграничении окказионализмов и неологизмов. И те, и другие представляют собой новообразования; они могут быть созданы по одним и тем же словообразовательным моделям в аналогичных ситуациях. Однако, как указывает Н.И. Фельдман [23, с. 66], в отличие от неологизмов, окказионализмы существуют только в определённом контексте, вне которого они не могут употребляться. Т. Шиппан [50, с. 244] подчёркивает, что основным критерием для разделения здесь является характер употребления слова: если слово используется группами людей или целыми языковыми сообществами, то оно является неологизмом; если же это индивидуально-авторское употребление, то оно

⁴ <http://www.duden.de/rechtschreibung/Gelegenheitsbildung>

относится к сфере окказионального. Х. Ахмад [30, С. 711—712] отмечает, что окказионализмы могут получить широкое употребление и перейти в разряд неологизмов, но такие случаи происходят крайне редко. К. Хорст [41, С. 9—10] в данной связи говорит о трёх ступенях употребления слова: окказионализм — пример индивидуального употребления; если он вышел за рамки индивидуального употребления и получил лексикографическое описание — это уже неологизм; если он вошёл в словарный состав языка и зафиксирован в словарях — то это узуальное слово. К.Д. Людвиг выделяет в этом процессе четыре ступени: возникновение, узуализация, вхождение в норму и лексикализация [46, с. 1576]. Однако на практике провести границу между окказионализмами и неологизмами получается далеко не всегда. Не легче оказывается и отделить окказионализмы от узуальных слов.

Разработка критериев для разграничения окказионализмов и узуальных слов — вопрос крайне неоднозначный, как следует из научных работ, посвящённых этой теме. Н.Г. Бабенко [4, С. 6—7] выделяет следующие признаки окказионализмов:

- принадлежность к речи;
- функциональная одноразовость;
- творимость (создание нового слова в процессе самого речевого акта; противопоставлена воспроизводимости, повторяемости слова в готовом виде);
- экспрессивность;
- синхронно-диахронная диффузность (неспособность подвергаться исторически обусловленным изменениям в семантическом и формальном аспектах);
- индивидуальная принадлежность (принадлежность конкретному автору).

И.П. Савицкий [20, с. 153] предлагает другой комплекс критериев:

- неuzuальность (отсутствие в языковой традиции);

- функциональная одноразовость;
- принадлежность к единицам речи (в отличие от единиц языка);
- ненормативность;
- контекстуальная прикреплённость (интерпретация возможна только в контексте).

При этом на материале немецких печатных СМИ удалось установить, что первые три критерия являются для немецких окказионализмов обязательными, последние два — факультативными [20, с. 157].

Однако И.С. Климас [58, с. 6] указывает на то, что данные критерии релевантны только по отношению к литературному языку. В других сферах, например, в фольклорной, они не всегда актуальны и действительны, или же требуют специальных уточнений. Е. Смирнова и др. [52, с. 533] подчёркивают, что универсальных критериев, разделяемых большинством лингвистов, всего два: это контекстуальная одноразовость и контекстуальная прикреплённость.

Таким образом, разграничение окказиональных и узувальных слов представляет собой проблему для лингвиста, и, как справедливо отмечают В. Флейшер и И. Барц [39, с. 24], следует признать существование широкой переходной зоны между окказионализмами и узувальными лексемами.

Стоит упомянуть, что окказионализмы — это не всегда слова. Э. Ханпира [24, С. 155—156] выделяет особую категорию окказиональности, которая действует на разных уровнях языка. Эта категория основана на незаданности речевого факта системой языка, его неожиданности для этой системы. Её проявлениями являются как окказиональные слова, так и окказиональные формы слов, и их окказиональные значения. Всякое конкретное проявление действия этой категории можно назвать окказионализмом. Однако данное действие может проявляться по-разному, в связи с чем Н.Г. Бабенко [4, с. 15] пишет о трёх степенях окказиональности новообразований:

- окказионализмы первой степени — стандартные потенциальные образования, созданные в полном соответствии с деривационной нормой языка;
- окказионализмы второй степени — частично нестандартные образования, созданные с некоторыми нарушениями деривационной нормы языка, которые не вызывают трудностей при семантической интерпретации;
- окказионализмы третьей степени — сугубо окказиональные, полностью нестандартные образования, созданные с существенными нарушениями деривационной нормы, которые вызывают значительные трудности при семантической интерпретации.

Из сказанного выше следует, что окказионализмы образуют крайне неоднородную группу речевых единиц. И.С. Климас [58, с. 1] подчёркивает, что преимущественно они выделяются на лексико-семантическом и словообразовательном уровне, но могут охватывать и другие уровни системы языка. Н.Г. Бабенко [4, С. 10—12] выделяет следующие типы окказионализмов:

- фонетические окказионализмы — звуковые комплексы, которые, с точки зрения автора, передают семантику, обусловленную фонетическими значениями звуков;
- лексические окказионализмы — комбинации узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней;
- грамматические (морфологические) окказионализмы — образования, в которых, с точки зрения узуса, находятся в конфликте лексическая семантика и грамматическая форма;
- семантические окказионализмы — результат появления семантических приращений, которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы;

- **окказиональные сочетания слов** — соединения лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях.

Окказиональные сочетания слов составляют особую группу, близкую по своим свойствам семантическим окказионализмам [4, с. 71]. Они не относятся к сфере синтаксиса, так как при их создании сохраняется синтаксическая структура словосочетания; нарушается при этом не синтаксическая сочетаемость, а лексическая, ведь речь здесь идёт о соединении несоединимых понятий [4, с. 63].

Э. Ханпира [25, С. 257—302] дополняет приведённый выше список ещё несколькими типами окказионализмов:

- **синтаксические окказионализмы** — отсутствующие в языке и обладающие низкой потенциальностью; могут представлять собой:
 - сочетания одного слова со словоформой другого слова (синтаксическая связь управления — беспредложного и предложного);
 - порядок мест членов предложения;
 - окказиональную эллиптичность (усечённость сочетаний);
- **фразеологические окказионализмы** — авторские преобразования фразеологизмов (включая устойчивые сочетания);
- **словообразовательные окказионализмы** — использование окказиональных (не существующих в языке) словообразовательных моделей и аффиксов;
- **стилистические окказионализмы** — сочетание стилистически разных единиц языка, не соответствующее стилистической норме.

В. Флейшер [38, С. 70—71] различает «окказиональные фразеологизмы» трёх типов:

- индивидуальные или характерные только для конкретного текста варианты фразеологизмов (что примерно совпадает с «фразеологическими окказионализмами» Э. Ханпиры);
- индивидуальное наполнение структурной модели, характерной для фразеологических единиц (напр., парные словосочетания, сравнительные конструкции), не свойственными ей лексическими компонентами;
- «авторские фразеологизмы», существующие в рамках определённого художественного произведения.

Об окказиональных образованиях в художественном или научном тексте пишет и Р.Ю. Намитокова [16, с. 22], называя такие единицы «авторскими неологизмами». Такие речевые новообразования существуют внутри конкретного письменного текста, не зафиксированы в словарях национального языка соответствующего периода времени, обладают необычностью и новизной, но могут войти в систему языка при благоприятных условиях. Переход таких элементов в разряд неологизмов языка возможен прежде всего в научных текстах: «авторские неологизмы» становятся терминами для обозначения новых понятий. В художественной речи подобный переход случается редко, что объясняется характерной для этого стиля функцией окказионализмов.

В зависимости от стилистической характеристики текста, в рамках которого они существуют, окказионализмы могут выполнять разные функции. К. Хорст [41, С. 11—12, 42] выделяет следующие функции окказионализмов:

- заполнение лексических лакун и удовлетворение постоянной потребности в новых словах для обозначения понятий;
- «экономия языковых средств» для замены парафраза более лаконичной формой выражения;
- обеспечение связности и единства текста;

- замена кореферентных единиц в тексте во избежание повторов;
- привлечение внимания, воздействие на читателя или слушателя;
- не прямой способ выражения авторского мнения.

Первые четыре функции характерны для окказионализмов в целом; последние две были выявлены при исследовании окказионализмов в печатных СМИ. Для окказионализмов в художественном тексте также характерна функция образного выражения мысли [16, с. 23].

Э. Ханпира [25, с. 253] по функциональному признаку разделяет окказионализмы на обычные и художественные. Обычные окказионализмы характерны в основном для устной речи. Художественные всегда письменно закреплены; они являются компонентами художественной речи и предназначены не для вхождения в язык, а для обслуживания конкретной художественно-речевой ситуации. В связи с этим выделяются следующие функции художественных окказионализмов [25, с. 303]:

- экспрессивная;
- эстетическая;
- установка на выражение;
- установка на самовыражение;
- художественная номинация;
- средство комикки и гротеска, звукописи, версификации и т.д.;
- средство стилизации.

Л.Е. Остапова [19, с. 238] указывает на то, что наиболее распространённым видом окказионализмов в немецкой художественной литературе являются сложные номинации. Это обусловлено спецификой немецкого языка, в котором словосложение является самым продуктивным способом словообразования, а также их семантической и прагматической ёмкостью, лаконичностью, позволяющей наиболее точно выражать мысли автора.

Итак, исследование окказионализмов представляет собой общелингвистическую проблему [4, с. 71]. Но окказиональные элементы в тексте представляют особый интерес для лингвиста: они позволяют установить особенности авторского идиостиля [4, с. 63], что является крайне важным для оптимального перевода.

1.3. Перевод фразеологических и окказиональных единиц

Фразеологические и окказиональные единицы представляют собой проблему для переводчика, так как относятся к так называемой области «непереводимого».

В русской [2, С. 132—134], английской [40, с. 15] и немецкой [42, с. 186; 47, С. 370—371] лингвистике существует понятие переводимости (*translatability*, *Übersetzbarkeit*). Оно является относительным и показывает, в какой мере данное значение может быть выражено средствами другого языка, несмотря на различия в языковой структуре (грамматике, лексическом составе и т.д.). Значение здесь понимается довольно широко: оно должно учитывать не только содержание исходного текста, но и коммуникативную цель, целевую аудиторию и цель перевода [40, С. 15—16]. В русской научной литературе также используется понятие «непереводимого» в переводе, которое подробно рассматривают С.И. Влахов и С.П. Флорин [8, С. V—VII]. «Непереводимое» включает в себя такие элементы текста, как реалии, фразеологизмы, имена собственные, обращения, термины, иноязычные вкрапления, звукоподражания, каламбуры, сокращения, внеязыковые, ненормативные и индивидуально-авторские элементы.

Эти единицы нельзя перевести формально [8, с. VI]. Однако сейчас большинство лингвистов придерживается мнения, что в принципе перевод возможен всегда [40, с. 15]. Существует определённый арсенал переводческих средств, которые помогают передать «непереводимое» на языке перевода. В зависимости от типа «непереводимых» единиц

используются разные переводческие средства. Мы рассмотрим способы перевода фразеологических и окказиональных единиц, релевантные для нашей работы.

Фразеологизмы считаются одним из самых сложных для перевода явлений. С.И. Влахов и С.П. Флорин [8, С. 184—197] выделяют следующие способы перевода фразеологизмов в художественном тексте:

- Фразеологический перевод — использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости по отношению к переводимой единице — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.
 - Фразеологический эквивалент — это фразеологизм языка перевода, по всем показателям равноценный переводимой единице.
 - Неполный (частичный) фразеологический эквивалент — единица языка перевода, которая является полным и абсолютным эквивалентом многозначной переводимой единицы, но не во всех её значениях.
 - Относительный фразеологический эквивалент — почти полноценное соответствие переводимой фразеологической единицы, которое отличается от неё по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, изменения формы, синтаксического построения, иная морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п.
 - «Индивидуальный» эквивалент — созданный переводчиком новый фразеологизм в духе переводимой единицы, максимально напоминающий «естественный»; но, в отличие от переводимой фразеологической единицы, он не воспроизводим.
- Нефразеологический перевод — передача переводимой фразеологической единицы при помощи лексических, а не фразеологических средств языка перевода.

- Строго лексический перевод — передача переводимой фразеологической единицы соответствующим ей словом языка перевода.
- Калькирование — покомпонентная дословная передача фразеологической единицы в ходе перевода.
- Описательный перевод — перевод толкования переводимой фразеологической единицы.
- Контекстуальный перевод — передача фразеологической единицы контекстуальным соответствием или при помощи трансформированного определённым образом контекста (нулевой перевод).
- Выборочный перевод — перевод фразеологической единицы одним из возможных фразеологических синонимов в языке перевода.

Однако разные способы перевода характерны для разных типов фразеологизмов: их возникновение обусловлено тем, что фразеологический перевод возможен далеко не всегда. Фразеологические эквиваленты и аналоги встречаются чаще всего в следующих группах устойчивых единиц [8, С. 188—193]:

- интернациональная фразеология;
- устойчивые сравнения;
- составные термины;
- грамматическая фразеология (условное название составных предлогов и союзов);
- глагольно-именные сочетания (глагольные описательные выражения);
- фразосхемы (синтаксическая фразеология).

Таким образом, существует большое разнообразие способов перевода фразеологии. Обратимся далее к окказиональным единицам в художественном тексте.

Перевод окказионализмов представляет не меньшую трудность, чем перевод фразеологических единиц: это обусловлено особой функцией окказиональных элементов в тексте. Е.А. Андреева [3, С. 14—15] отмечает, что при переводе авторских окказионализмов одной из главных проблем является сохранение индивидуальности автора, его стилистического своеобразия. Поэтому особое значение имеет словообразовательная структура окказионализма, характеризующая индивидуальный стиль автора. Б. Левандовска-Томашук [45, с. 463] подчёркивает и важность передачи окказионального характера исходной единицы, её необычности. Большую роль при переводе окказионализмов играет и контекст, с которым авторские новообразования имеют особенно тесную связь. Д. Делабастита [37, с. 884] указывает на сложность точного определения семантики окказионализмов и возможность такого определения только в контексте, что, с одной стороны, предоставляет переводчику некоторую свободу выбора, но, с другой стороны, осложняет поиск эквивалента, передающего все необходимые оттенки значения, коннотации и ассоциации исходной единицы.

При переводе окказиональных элементов обычно используются те же средства, что и при переводе безэквивалентной лексики. Е.А. Андреева выделяет следующие способы их перевода [3, С. 17—18]:

- Транслитерация/транскрипция;
- Калькирование:
 - калькирование на уровне морфем;
 - калькирование на уровне основ;
 - полукальки;
 - дословное соответствие;
- Описательный перевод:
 - конкретизация и генерализация;
 - описание, объяснение, толкование;
- Создание окказиональных переводческих неологизмов;

- Контекстуальный перевод.

Каждый способ имеет свои особенности и свою область применения. Так, при транслитерации и транскрипции перевод осуществляется на уровне графем или фонем. Эти способы перевода используются редко, в основном для передачи окказионализмов с нестандартной структурой или окказиональной ономастической лексики [3, С. 15, 18, 21—22].

Более распространено в практике перевода калькирование — «создание нового слова, словосочетания или сложного слова для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке» [27, с. 20]. Согласно Е.А. Андреевой [3, С. 18, 30, 33], способ калькирования часто используется для перевода авторских окказионализмов, образованных путём аффиксальной деривации и словосложения, а также для передачи формообразовательной окказиональности. Чаще всего встречается калькирование на уровне морфем (при переводе окказионализмов, образованных при помощи префиксации или конфиксации) или на уровне основ (при переводе окказионализмов, созданных путём словосложения). Преимущество этого способа перевода состоит в том, что он помогает сохранить стилистические особенности и образность оригинала.

Описательный, или дескриптивный, перевод, по Е.А. Андреевой [3, С. 38—39], представляет собой воспроизведение исходных лексем описательно, свободными словосочетаниями на уровне речи, семантически и/или стилистически равноценными единицами языка оригинала. Этот способ обычно используется для передачи окказиональных единиц, образованных способом сложения, аффиксальной деривации, собственно окказиональными способами и при воссоздании формообразовательной окказиональности.

Данный вид перевода может быть реализован разными средствами. В рамках описательного перевода выделяются [3, с. 17]:

- приёмы конкретизации и генерализации;
- описание, объяснение, толкование.

Конкретизация и генерализация являются особыми видами переводческих трансформаций [31, С. 231, 235], о которых речь пойдёт ниже. Описание, объяснение и толкование как приёмы приблизительного перевода обычно используются в тех случаях, когда другие способы неприменимы и значение авторского новообразования приходится просто объяснять [3, с. 17]. Благодаря многообразию описательных приёмов дескриптивный способ перевода широко распространён.

Последние два способа встречаются несколько реже, но очень показательны для перевода художественных текстов. Е.А. Андреева [3, С. 18, 50] отмечает, что способ создания окказиональных переводческих неологизмов является самым творческим: он позволяет средствами языка перевода передать экспрессию и индивидуальный стиль автора. Окказиональные переводческие неологизмы образуются синтаксическим способом в соответствии с моделями словообразования в языке перевода. В основном этот способ используется для перевода аффиксальных и образованных путём словосложения окказионализмов.

При контекстуальном переводе, согласно Е.А. Андреевой [3, с. 17], используются соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от приведённых в словаре. При этом характерно отсутствие соответствий самого переводимого окказионализма (нулевой перевод) — его содержание передаётся при помощи трансформированного определённым образом контекста.

Однако существуют и другие средства, используемые при переводе окказионализмов. Это переводческие трансформации, которые в английской лингвистике [48, с. 85] обозначаются как «shifts» или «transpositions». И.С. Алексеева определяет трансформации как «межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне» [2, с. 158]. Она выделяет четыре основных типа трансформаций:

- перестановки;
- замены;

- добавления;
- опущения.

Каждый из этих типов включает в себя целую группу языковых явлений. Так, перестановка — это вид трансформации, при котором в тексте перевода изменяется порядок следования языковых элементов исходного текста [31, с. 208]. Перестановкам могут подвергаться разные элементы текста — согласно И.С. Алексеевой [2, с. 159], это слова, словосочетания, части сложного предложения и целые предложения.

Замены являются самым распространённым видом переводческих трансформаций и могут затрагивать грамматические и лексические единицы в тексте. Таким образом, замены бывают лексические, грамматические и лексико-грамматические [31, с. 213]. И.С. Алексеева [2, С. 159—165] разделяет замены на несколько категорий:

- замены форм слова;
- замены частей речи;
- замены членов предложения;
- синтаксические замены в сложном предложении;
- лексические замены.

Последние две группы охватывают целые группы сходных по своей природе явлений. В рамках синтаксических замен в сложном предложении Л.С. Бархударов [31, С. 213—231] рассматривает замену простого предложения сложным, замену сложного предложения простым, замену главной части предложения придаточной и наоборот, замену подчинительной связи сочинительной, замену союзной связи бессоюзной.

Лексические замены также разделяются на несколько типов [31, с. 231]:

- Конкретизация — это замена слова (словосочетания) исходного языка с более широким референциальным значением словом (словосочетанием) языка перевода с более узким значением [31, с. 231].

- Генерализация — это противоположная конкретизации замена слова (словосочетания) исходного языка с более узким референциальным значением словом (словосочетанием) языка перевода с более широким значением [31, с. 235].
- Замена, основанная на причинно-следственных отношениях, подразумевает замену причины следствием или наоборот [31, с. 236].

Однако данный список не является полным и исчерпывающим. Л.С. Бархударов, например, указывает ещё два вида замен: антонимический перевод и компенсацию [31, С. 238, 240—241]. Для их описания мы воспользуемся определениями В.Н. Комиссарова.

Антонимический перевод — это «лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением» [12, с. 183].

Компенсация — это «способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы исходного языка в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [12, с. 185].

Однако положение этих двух способов в системе трансформаций не является однозначным и вызывает разногласия среди лингвистов: так, И.С. Алексеева [2, с. 159] предлагает рассматривать антонимический перевод и компенсацию наряду с описательным переводом как особые типы комплексных трансформаций.

Последние две группы — добавление и опущение — однородны и не требуют особого разделения на подклассы. Добавление подразумевает использование в тексте перевода необходимых по смыслу дополнительных лексических единиц, а опущение относится к исключению из текста перевода семантически избыточных единиц [31, С. 245, 249].

В настоящее время существует много научных работ, посвящённых переводу окказионализмов в художественных произведениях. Данные русских статей по этой теме [21, С. 165—166; 5, С. 34—35] показывают, что наиболее распространённым способом перевода немецких окказионализмов является калькирование, реже используются описательный перевод, опущение и функциональные замены. Несколько другая статистика характеризует перевод английских художественных окказионализмов: в русской научной литературе [13, с. 176; 22, С. 197—198; 28, с. 1111; 15, С. 115—116] выделяются следующие способы их перевода (в порядке убывания частотности): калькирование, функциональная замена, описательный перевод, создание переводчиком собственных окказиональных слов, транскрипция и транслитерация, опущение. Д.Ф. Мырина и А.С. Васеева [15, с. 115] указывают также смешанный тип перевода, при котором задействованы сразу несколько из упомянутых выше способов.

Таким образом, наиболее частотным способом перевода окказионализмов в художественной литературе является калькирование, причём немецкие окказионализмы гораздо чаще переводятся при помощи калек, чем английские. В некоторых случаях используются функциональные замены и опущения. В немецких текстах переводчики часто прибегают к описательному способу, а в английских — к транскрипции и транслитерации. Создание собственных окказионализмов также встречается при переводе художественной литературы.

Однако не всегда эти способы применяются на практике удачно. В.С. Виноградов [7, с. 124] указывает, что переводчики не всегда могут отличить окказиональное слово от узуального и переводят его при помощи общеупотребительной лексики. Если же переводчики правильно распознают окказионализм, то не все из них склоняются к созданию собственных окказионализмов, предпочитая описательный перевод, который уместен не всегда. То же самое справедливо и для фразеологизмов: У. Рихтер-Вапаатало [49, с. 209] и Я. Корхонен [44, с.582] приводят примеры, когда переводчик не

распознал фразеологизм в языке оригинала и перевёл его буквально, тем самым искажая исходный смысл. Более того, как подчёркивает В. Коллер [43, с. 606], очень важное значение при подборе переводных эквивалентов для окказиональных и фразеологических единиц имеют их коннотации в контексте. В частности, согласно И.М. Кобозевой [11, С. 92—93], значения фразеологизмов представляют собой языковые проявления коннотаций, так как они выводятся не из денотативных, а из коннотативных значений компонентов. Поэтому при переводе особенно важно внимательное отношение к тексту оригинала.

Итак, существует множество способов перевода фразеологических и окказиональных единиц в художественном тексте, которые частично пересекаются друг с другом. Это даёт повод предположить, что при переводе окказиональных фразеологизмов будут использоваться способы из этого пересечения: калькирование, описательный перевод, контекстуальный перевод, создание переводчиком индивидуальных новообразований. В следующей главе мы проверим это предположение на примере отдельного класса окказиональной фразеологии — окказиональных парных словосочетаний — и исследуем способы их перевода в литературном жанре письма.

Выводы по Главе 1

В первой главе мы рассмотрели понятия парного словосочетания и окказионализма, выделили их характерные черты и особенности употребления. Далее мы перечислили способы, используемые для перевода данных типов единиц, и проанализировали их применение на практике с опорой на современные исследования в области переводоведения.

Таким образом, парное словосочетание — это такое словосочетание, которое состоит из двух или более слов одной части речи, связанных соединительным или разделительным союзом. Оно представляет собой

синтаксическое, морфологическое, семантическое и (иногда) фонетическое единство, являясь при этом фразеологической единицей. Парная структура словосочетания особенно характерна для немецкого языка, в русском же её применение далеко не так распространено.

В отличие от парных словосочетаний — единиц языка, окказионализмы — единицы речи. Они создаются специально для конкретной ситуации, существуют только в определённом контексте и, как правило, не употребляются за его пределами. Если же окказионализм выходит за рамки единичного контекста, обретает некоторую узуальность, то он утрачивает свой окказиональный характер и становится неологизмом.

Способы перевода парных словосочетаний и окказионализмов во многом похожи. Это объясняется тем, что и те, и другие относятся к так называемой безэквивалентной лексике, не имеющей прямых соответствий в языке перевода. Современные исследования переводов художественной литературы свидетельствуют о том, что чаще всего при передаче этих типов единиц на русский язык используются калькирование, замены, опущения, описательный и контекстуальный перевод, создание окказиональных переводческих неологизмов. Данные выводы можно будет проверить в применении к нашему собственному анализу перевода окказиональных парных словосочетаний в письмах Т. Манна, описанному в следующей главе.

Глава 2. Окказиональные парные словосочетания в письмах Т. Манна и способы их перевода

2.1. Письма Т. Манна как материал исследования

Своё исследование окказиональных парных словосочетаний мы будем проводить на материале писем Томаса Манна. Выбор материала обусловлен, с одной стороны, тем, что окказиональные образования довольно характерны для индивидуального стиля Манна. В.Г. Адмони и Т.И. Сильман отмечают в качестве его характерных черт не только склонность к созданию индивидуально-авторских окказионализмов [1, с. 330], но и тенденцию к выражению понятий не одним словом, а группой синонимически окрашенных слов, дополняющих друг друга по значению [1, с. 324]. Частотное употребление окказиональных парных словосочетаний отражает сразу обе эти особенности индивидуального стиля Манна, объединяет их в рамках одного стилистического средства.

С другой стороны, именно письма Т. Манна сравнительно мало изучены: большинство исследований его творчества проводились на материале романов. Тем не менее, письма представляют особый интерес с точки зрения их принадлежности к эпистолярному жанру. Стилистический энциклопедический словарь русского языка⁵ [59] определяет эпистолярный жанр как «текст, имеющий форму письма, открытки, телеграммы, посылаемый адресату для сообщения определённых сведений». К основным признакам эпистолярного жанра авторы словаря относят в том числе и использование языковых средств, соответствующих сфере переписки: для деловых писем характерны средства книжно-письменной сферы, а для частных — устно-разговорной. Последний вид письма также характеризуется свободой выбора средств изложения, что способствует явному выражению

⁵ Здесь и далее при описании эпистолярного жанра мы опираемся на следующий источник: http://stylistics.academic.ru/264/Эпистолярный_жанр (дата обращения: 29.04.2017).

индивидуальности автора и авторского стиля⁶. Поэтому письма наиболее ярко отражают языковые средства индивидуального стиля писателя, характерные не только для литературной, но и для литературно-разговорной сферы общения — в том числе парные словосочетания [26, с. 61] и окказионализмы [25, с. 253].

Для исследования мы отобрали 279 писем из трёхтомного сборника писем Т. Манна, изданного его дочерью Эрикой Манн [62; 63; 64]. В нашу выборку попали только те письма, перевод которых содержится в русскоязычном сборнике писем Т. Манна [61]. Они датируются периодом с 1901 по 1955 год и охватывают широкий круг адресатов.

Пользуясь методом сплошной выборки примеров, мы выделили имеющиеся в оригинальном тексте писем окказиональные парные словосочетания. При отборе примеров мы руководствовались следующими критериями окказионального парного словосочетания:

- Синтаксическая структура: два (или более) слова одной части речи, соединённых предлогом(-ами) или союзом(-ами);
- Окказиональная (не устойчивая, «одноразовая») сочетаемость компонентов;
- Синтаксическая целостность: зависимые слова отсутствуют или являются общими для всех компонентов;
- Морфологическая целостность: отсутствие артикля, опущение флексии, выравнивание в числе или роде у субстантивных компонентов; выравнивание флексий у адъективных; единство вспомогательного глагола у глагольных;
- Сходство словообразовательной структуры («морфологический параллелизм»);
- Фонетическая целостность: рифма, закон нарастающих членов, смещение ударения на второй компонент, чередования гласных;

⁶ Там же.

- Семантика: компоненты представляют собой контекстуальные синонимы, антонимы или дополняющие друг друга понятия; значение всего словосочетания не равно простой сумме значений компонентов (как минимум появляется дополнительная коннотация).

Однако не все критерии должны обязательно выполняться. Наибольшее значение имеют синтаксическая структура, окказиональная сочетаемость компонентов и семантика. Также важны морфологическая и синтаксическая целостность. Остальные критерии являются факультативными, как и для фразеологических парных словосочетаний.

В соответствии с данными критериями мы выделили 215 примеров. Подавляющее большинство из них представляют собой субстантивные окказиональные словосочетания, другую относительно большую группу составляют адъективные (в трактовке Г.Н. Эйхбаум [29, С. 148—149, 157—158]); также в числе примеров оказались и немногочисленные глагольные словосочетания. Данное частеречное соотношение подтверждается в исследовании индивидуального стиля Т. Манна, проведённом В.Г. Адмони и Т.И. Сильман [1, с. 324], которое свидетельствует о том, что при выборе лексических средств писатель отдавал именам существительным и прилагательным предпочтение перед глаголами.

Тем не менее все выделенные нами окказиональные парные словосочетания характеризуются рядом обязательных общих признаков: фиксированной синтаксической структурой и специфической семантикой парного словосочетания, окказиональной сочетаемостью компонентов, морфологической и синтаксической целостностью.

Синтаксическая структура рассмотренных нами примеров в целом довольно однообразна. Подавляющее большинство словосочетаний двухкомпонентные с соединительным союзом „und“: напр., *Lebhaftigkeit und Gegenwärtlichkeit*, *grob und vergröbernd*, *treiben und schreiben*, в единичных случаях встречается разделительный союз „oder“: напр., *Drinnen oder*

Draußen, а также четырёхкомпонентная структура парного словосочетания: напр., *uralt und abgenutzt und welt- und meinungsmüde*. Немалое число примеров представляют собой проявления синтаксически обусловленной деструкции, при которой компоненты имеют общий словообразовательный элемент, присутствующий только в составе одного из компонентов и опускаемый у другого: напр., *Tatsachen- und Fabel-Gerippe, ufer- und aussichtslos*. Так проявляется принцип языковой экономии: опуская повторяющийся словообразовательный элемент, мы устраняем избыточность языковой формы.

Специфическая семантика парного словосочетания заключается в особом характере отношений между его компонентами. Наиболее распространено в наших примерах отношение дополнения: напр., *Krieg und Sieg, Musiker- und Musikroman*, также регулярно встречаются синонимы: напр., *Erfrischung und Erneuerung, Wohlgeübtheit und Erfahrung*; реже компоненты имеют антонимичные значения: напр., *Drinne oder Draußen*. В большинстве случаев отношения синонимии, антонимии и дополнения являются контекстуальными: напр., *Nein und Pfui sagen, Entschluß- und Entscheidungslosigkeit meines geistigen Wesens, Gunst und Sonne brauchen*.

Окказиональная сочетаемость компонентов выделенных нами окказиональных парных словосочетаний обусловлена разными причинами. Основными из них являются:

- наличие в качестве одного (или более) компонента(-ов) индивидуально-авторских окказионализмов: *Selbstverherrlicher und Selbstvollender*;
- окказиональное формообразование для одного или более компонентов: *der tiefste und deutscheste Sinn*;
- соединение слов, не имеющих общих сем (появление общей семы в контексте): *wie ausführlich und erbittert ich ... über die Schuld der Demokratien abgerechnet habe*;

- соединение слов, имеющих общие семы, которое обретает новые коннотации благодаря «внешнему сходству» компонентов (сходству словообразовательной структуры, фонетической целостности, синтаксически обусловленной деструкции): *Familiensohn und Familienvater, Recht und Pflicht, klar- und scharfsichtig.*

Всё перечисленное выше способствует тому, что привычная сочетаемость компонентов парного словосочетания окказионально расширяется в пределах рассматриваемого контекста.

Морфологическая целостность окказиональных парных словосочетаний проявляется по-разному в зависимости от частеречной принадлежности компонентов. Главным показателем морфологической целостности субстантивных словосочетаний является отсутствие артикля при компонентах или его единство. Как и следовало предполагать, артикль опускается в том случае, когда компоненты имеют разный грамматический род: напр., *Druck und Drohung*. Если род компонентов совпадает, то имеет место единство артикля: напр., *bei den Rettern und Rächern*. Но этот принцип действует не всегда: иногда, в тех случаях, когда компоненты словосочетания обозначают некоторые абстрактные понятия, существует тенденция к опущению артикля независимо от грамматического рода компонентов: напр., *Schreiben und Auseinanderklauben*. У адъективных словосочетаний морфологическая целостность проявляется в выравнивании флексий компонентов: напр., *frommes und sinnig-geistvolles Deutschland*, у глагольных — в единстве вспомогательного глагола: напр., *haben sich eingelassen und bloßgestellt*.

Синтаксическая целостность в наших примерах чаще всего проявлялась в отсутствии зависимых слов у компонентов. Встречалось, однако, немало случаев распространения парных словосочетаний как единого синтаксического целого, преимущественно в виде определения для субстантивных словосочетаний: напр., *die egoistische Verödung und*

Verkünstelung, а также в виде обстоятельства для адъективных словосочетаний: напр., *bis zur Entmutigung erschwert und verumständlicht*.

Довольно часто в исследованных нами примерах наблюдались сходство словообразовательной структуры и фонетическая целостность: напр., *verbrannt und verfemt, klar und wahr*. Иногда эти два факультативных критерия выполнялись одновременно: напр., *Geschrei und Gespei, Sinnlichkeit und Sittlichkeit*. Это обусловлено использованием одинаковых и сходных по звучанию словообразовательных элементов. Второстепенные показатели морфологической целостности субстантивных словосочетаний (опущение флексии, выравнивание в числе или роде) присутствовали редко, в основном происходило выравнивание компонентов в числе, приводящее к окказиональному формообразованию: напр., *Störungen und Müdigkeiten*. У адъективных словосочетаний наблюдалось выравнивание степеней сравнения компонентов: напр., *die gelungenste und liebenswerteste Gestalt, am homerischsten und naivsten*. Показатели фонетической целостности представлены в нашей выборке довольно широко, прежде всего это закон нарастающих членов: напр., *Heim und Heimat, Zeit und Zukunft*, а также разные виды рифмы: конечная рифма: напр., *Treue und Schläue*, аллитерация: напр., *Deutlichkeit und Direktheit*, ассонанс: напр., *Erklärung und Belehrung*. Кроме того, часто имеет место чередование ударных гласных звуков компонентов, аналогичное аблауту: напр., *Nein und Pfui, Zeit und Zukunft, viel und gramvoll*.

Итак, мы проанализировали найденные нами примеры окказиональных парных словосочетаний в письмах Т. Манна и установили их характерные особенности. Далее мы сравним примеры с их переводными эквивалентами и попробуем установить, какие свойства исходных словосочетаний были сохранены при их передаче на русский язык, а какие были утрачены или изменены, а также проанализируем причины этих изменений.

2.2. Классификация примеров по способам перевода

Сопоставление отобранных примеров с их переводными эквивалентами позволило определить, что при переводе использовался широкий спектр способов передачи исходных единиц с немецкого языка на русский. Все они представляют собой довольно неоднородную группу. Некоторые способы перевода затрагивают не парное словосочетание в целом, а лишь отдельные его компоненты, и практически не влияют на структуру всего словосочетания. Они определяют лексические свойства переводных эквивалентов. Однако большинство рассмотренных нами способов перевода направлены на парное словосочетание как единое целое. В результате их применения структура парного словосочетания либо передаётся в неизменном виде, либо подвергается изменениям. Эти способы определяют синтаксические свойства переводных эквивалентов.

Стоит отметить, что перечисленные ниже способы перевода крайне редко используются отдельно, изолированно (на это указывает, в частности, И.С. Алексеева [2, с. 159]): гораздо чаще при передаче на русский язык парного словосочетания применяется сразу несколько способов перевода одновременно. Таким образом, можно говорить о сочетании разных способов перевода в рамках одного переводного эквивалента.

1) Создание окказиональных переводческих неологизмов

- *Selbstzüchtigung und Selbstverspottung* — *самобичевание и самовысмеивание*
- *Gesundheit und Lebensgerechtigkeit* — *здоровье и жизнеспособность*
- *deutschfreundlich und emigrationsfeindlich* — *германолюбы и антиэмигранты*

Создание окказиональных переводческих неологизмов подразумевает образование переводчиком собственных окказиональных слов для передачи исходной лексической единицы. При этом исходное слово может

представлять собой как окказионализм: напр., *weltalltrunken und menschheitlich-kulturpädagogisch* — *проникнутый восторгом перед вселенной и человечно-культурно-педагогический*, так и узуальное слово: напр., *das Olympische und Pompöse* — *олимпийство и напыщенность*. Иногда окказиональные переводческие эквиваленты создаются путём **калькирования**: напр., *verrucht und boshaft-nihilistisch* — *нечестивый, злобно-нигилистический*.

2) Калькирование на уровне дословных соответствий

- *Verödung und Verkünstelung* — *опустошённость и неестественность*
- *bewegt und bewegend* — *взволнованный и волнующий*
- *bedrückt und beängstigt* — *угнетает и страшит*

Как правило, калькирование на уровне дословных соответствий происходит при наличии в русском языке полных или частичных переводных эквивалентов компонентов исходного словосочетания. Исходное словосочетание переводится слово за словом и является полным эквивалентом перевода. При этом сохраняется как синтаксическая структура парного словосочетания, так и частеречная принадлежность компонентов, а также окказиональный характер словосочетания.

3) Контекстуальный перевод

- *Nein und Pfiu* — *отвращение и ненависть*
- *Drinnen oder Draußen* — *местопребывание*
- *Schild und Schutz* — *защитная вывеска*

Иногда переводной эквивалент исходного словосочетания или его компонента подбирается в зависимости от окружающего его контекста. В этом случае переводной эквивалент представляет собой контекстуальное соответствие исходной единицы или трансформированный особым образом

контекст: напр., *Schreiben und Auseinanderklauben* – *писание и копание в себе, seinem eigenen Wunsch und Willen* — *ему самому*. В последнем случае, согласно С.И. Влахову и С.П. Флорину [8, с. 196], можно говорить о нулевом переводе, так как в тексте перевода не содержится лексической единицы, непосредственно соответствующей исходному словосочетанию. Хотя возможность перевести словосочетание аналогичной структурой («по своей воле и своему желанию») была, С.К. Апт предпочёл именно нулевой перевод с целью воспроизвести более свойственную для русского языка форму выражения.

Так как контекстуальный перевод подразумевает либо замену исходной единицы на её контекстуальное соответствие, либо изменение контекста, то мы считаем возможным рассматривать его с точки зрения трансформаций: это в первую очередь лексические замены (в случае нулевого перевода — опущения), а также сопутствующие им грамматические и синтаксические трансформации.

4) **Описательный перевод**

- *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — *когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма*

Случаи, когда переводчик не может найти в русском языке подходящий эквивалент для словосочетания и вынужден объяснять его значение описательно, крайне редки. Описательный перевод вызывает значительные изменения в структуре словосочетания, преобразовывая его в обороты или распространённые придаточные предложения, соединённые союзом. Таким образом, парная структура переходит на более высокий уровень: её компонентами в переводе являются уже не словосочетания, а обороты или целые придаточные предложения. Вслед за И.С. Алексеевой [2, с. 169] мы рассматриваем описательный перевод как комплексную трансформацию, подразумевающую использование синтаксических замен, добавлений и других элементарных типов трансформаций.

5) Добавление зависимых или главных слов:

- *lebens- und todesernst* – жизненно и смертельно серьёзный
- *Mutterfreuden und -Ängste* — материнские радости и тревоги
- *reduziert und herabgestimmt* — в очень плохом и подавленном состоянии

Иногда исходная синтаксическая структура сохраняется, но в неё добавляются новые элементы. Обычно один или оба компонента распространяются зависимыми словами: напр., *Lebens- und Leidenspunkt* — вопрос жизни и причина страданий, либо вся структура ставится в зависимость от некоторого главного слова: напр., *Entfaltungs- und Vergeistigungsprozeß* — процесс развития и одухотворения. В этом случае используется трансформация добавления. Наиболее распространённый вариант — добавление определения или дополнения к одному или обоим компонентам, выраженным существительными: напр., *Sprech- und Schreibstil* — разговорный стиль и стиль письма, либо добавление дополнений к глаголу: напр., *muß gekegelt und getrunken sein* — нужно играть в кегли и пить. Прилагательные также могут распространяться обстоятельствами: напр., *kühn und hoch-prekär* — смелый и крайне щекотливый.

6) Опущение:

- *Dringlichkeiten und Zudringlichkeiten* — заботы
- *die utilitarisierteste und mechanisierteste Gesellschaft* — самое утилитарное, самое механизированное общество
- *erhole und erquicke* — отдыхаю

Применение опущения довольно многообразно. В ходе трансформации один (или некоторые) из компонентов парного словосочетания опускается(-ются). При этом, с одной стороны, всё словосочетание может переводиться одним словом: напр., *Ausholen und Dreinschlagen* — удар. Согласно С.И. Влахову и С.П. Флорину [8, с. 193], здесь можно говорить о строго

лексическом переводе. Такой способ наиболее распространён при синонимичных или антонимичных компонентах: напр., *Glanz und Glori* — *великолепие*, *Drinnen oder Draußen* — *местонахождение*, однако в сравнении с приведёнными выше трансформациями он используется реже. С другой стороны, опускать можно не только компоненты, но и связывающий их союз: напр., *Selbstzucht und –züchtigung* – *самодисциплина, самоограничение*. В обоих случаях синтаксическая структура парного словосочетания неизбежно нарушается.

Опущение в некоторых случаях используется в комбинации с **добавлением**: напр., *sündhaft und weltfeindlich* — *греховный, враждебный миру*, *mit Sinnen und Nerven* — *всеми чувствами, всеми нервами*. Как правило, один из элементов (чаще всего — союз) опускается, одновременно добавляется новый элемент. Но при этом компенсации не происходит: добавленное к какому-либо из компонентов зависимое слово не воспроизводит значение опущенного союза. Синтаксическая структура парного словосочетания остаётся без союза и распадается.

7) Замены:

Широко представлены в нашей выборке примеры замены: переводчик использовал практически все виды этой трансформации. Замены охватывают широкий пласт характеристик словосочетаний и их компонентов: от морфологических и синтаксических до лексических и семантических.

7.1) Замена форм слова:

- *Danebengehendes und Fehlendes* — *неточности и пробелы*
- *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*
- *Gala-Oper und Festesserei* – *оперная парадность и банкеты*

Иногда переводчик сознательно заменяет одну форму слова другой. Необходимость таких преобразований обусловлена прежде всего различиями в грамматическом строе языков оригинала и перевода. Однако в случае совпадения грамматических категорий данный способ используется

преимущественно при переводе субстантивных словосочетаний и заключается в замене форм числа: единственное число меняется на множественное, и наоборот. При этом замене может подвергаться как отдельный компонент словосочетания, так и все компоненты сразу, в последнем случае, как правило, восстанавливается исходное выравнивание компонентов в числе.

7.2) Замена частей речи:

- *die Schnellzufriedenen und Unwissenden* – *нетребовательные и несведущие*
- *Vermenschlichung und Entgiftung* — *очеловечить и оздоровить*
- *Verblassen und Niedergehen* — *меркнет и вянет*

Один из частотных способов перевода — замена частей речи. При нём заменяется часть речи либо у обоих компонентов сразу (напр., *Spätgekommener und Letzter* — *запоздалый и последний*), либо у одного компонента, но тогда нарушается синтаксическая структура парного словосочетания, которая подразумевает компоненты одной части речи: напр., *überholt und überflüssig* — *устарело и уже ни к чему*. Этот способ наиболее распространён для субстантивных словосочетаний со значением процесса или действия (отглагольные существительные на -ung), которые в переводе заменяются на глаголы: напр., *Erklärung und Belehrung* — *объяснить и вразумить*, и для субстантивированных адъективов, которые переводятся прилагательными: напр., *das Kühnste und Wissendste* — *самое смелое и компетентное*, а также для сложных компонентов словосочетаний, которые передаются на русский язык словосочетанием: напр., *Mutterfreuden und -Ängste* — *материнские радости и тревоги*.

Замена частей речи нередко применяется в комбинации с другими трансформациями, в частности, с добавлением и опущением.

Часто замена частей речи влечёт за собой добавление зависимых (или главных) слов к компонентам новой части речи. Это характерно для

субстантивных и адъективных словосочетаний: напр., *ohne Kopfzerbrechen und Zeitverlust* — не ломая себе голову и не тратя времени, *wiederherstellend und zukunftsfreundlich* — проявлять тенденцию к восстановлению и дружелюбие к будущему. Иногда замена частей речи позволяет хотя бы в некоторой мере сохранить исходную синтаксическую структуру, которая, правда, слегка видоизменяется в результате добавления.

В единичных случаях наблюдается и сочетание **замены частей речи с опущением**. Опущение здесь может затрагивать либо союз: напр., *verwuchert und arabeskenreich* — избыточность, замысловатость, либо внешние по отношению к парному словосочетанию члены предложения, несущие определённые элементы смысла: напр., *sich zum Schild und Vorspann hergaben* — покрывали и помогали.

Но самая сложная из комбинаций — это одновременное действие **замены частей речи, добавления и опущения**: напр., *gewaltig und weltwirksam* — огромный, мирового значения, *Objektivierung und Distanzierung* — объективизировать, соблюдать дистанцию. Опускается в данном случае союз, добавляются зависимые слова к компонентам уже нарушенной структуры. Используется столь сложная трансформация очень редко.

7.3) Замена членов предложения:

- *Todes- und Lebensfeier* — поминальный праздник
- *Retouchen und Erniedrigungen* — подретушировать и опозилить
- *Entfaltungs- und Vergeistigungsprozeß* — процесс развития и одухотворения

Часто встречается такой вид замены, при котором происходит изменение синтаксической роли парного словосочетания или его компонента в предложении. Этот способ перевода, как правило, сопровождается применением других способов: в частности, замена членов предложения регулярно происходит при **замене частей речи** (напр., *gauklerisch und übermütig* — фиглярство и озорство) и **добавлении** главных или зависимых

слов к компонентам парного словосочетания: напр., *Jugend- und Mannesjahre* — *годы юности и зрелости*.

7.4) Замена словосочетания придаточным предложением:

- *das Nicht Wissen und Nicht Wissen Wollen* — *то, что не знали этого и не желали знать*
- *Plan- und Einheitswelt* — *мир, где царят план и единство*
- *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — *когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма*

Замена словосочетания придаточным предложением происходит тогда, когда для передачи исходного словосочетания необходим описательный перевод. В этом случае парная структура сохраняется: либо парное словосочетание встраивается в новое придаточное предложение, либо в качестве парных компонентов выступают однородные придаточные с сочинительной связью. Довольно часто при этом меняется ещё и часть речи компонентов, поэтому здесь возможно говорить и о действии трансформации **частеречной замены**.

7.5) Лексические замены

- *Drinne oder Draußen* — *местопребывание*
- *verwuchert und arabeskenreich* — *избыточность, замысловатость*

Лексические замены применяются в основном при контекстуальном и описательном переводе. Они подразумевают передачу исходной лексической единицы не словарным, а контекстуальным соответствием. Как указывает И.С. Алексеева [2, с. 164], при этом происходит частичное изменение семного состава эквивалентной лексемы по сравнению с исходной, иногда может также проявляться перераспределение семного состава исходной

лексемы между несколькими эквивалентами, либо конкретизация или генерализация её значения.

8) Компенсация:

- *ufer- und aussichtslos* — *бесконечный и бесполезный*

Компенсация обычно проявляется на уровне текста и подразумевает, что опущенные при переводе свойства языковых единиц исходного текста воспроизводятся в другом месте текста перевода или заменяются другими. В наших примерах компенсация на уровне текста затрагивала перевод окказиональных компонентов словосочетаний. Переводчик использовал для их передачи узуальные эквиваленты, в то же время создавая окказиональные переводческие неологизмы для передачи узуальных компонентов: напр., *Lebhaftigkeit und Gegenwärtlichkeit* — *живость и наглядность*, но *das Olympische und Pompöse* — *олимпийство и напыщенность*. Однако в единичных случаях встречается и компенсация на уровне словосочетания: чаще всего синтаксически обусловленная деструкция, которую не удаётся передать на русский язык в неизменном виде, заменяется в переводе на сходство словообразовательной структуры, как в приведённом выше примере: *ufer- und aussichtslos* — *бесконечный и бесполезный*.

9) Антонимический перевод:

- *(mir nie) Vorgekommenes und Zugestoßenes* — *совершенно новое для меня*

Антонимический перевод подразумевает передачу исходного смысла при помощи антонимов. Антонимы при этом могут быть не полными, а контекстуальными. Нам удалось выделить лишь один случай использования этого способа.

10) Перестановка:

- *gestützt und genährt* — *питаемый и подкрепляемый*

- *Geschrei und Gespei* — плевки и вопли

Перестановка компонентов проявляется в изменении порядка их следования в пределах словосочетания. В корпусе примеров встречается крайне редко — в единичных случаях.

При анализе перевода становится ясно, что классификация по способам перевода очень подробно отражает структуру переводных эквивалентов. Однако в то же время она даёт слишком обобщённое представление о довольно разнородном корпусе примеров. Было бы целесообразно составить подобные частные классификации для каждого из частеречных классов окказиональных парных словосочетаний, чтобы проследить, какие различия существуют при использовании разных способов перевода в каждом из них, и сделать вывод о наиболее оптимальных переводческих стратегиях в применении к разным классам словосочетаний.

2.3. Особенности перевода частеречных классов окказиональных парных словосочетаний

Способы перевода окказиональных парных словосочетаний, представленные в нашей выборке, охватывают практически все способы перевода окказионализмов и виды трансформаций, описанные в первой главе. Использование некоторых из них обусловлено различиями в грамматическом строе немецкого и русского языков и мало характеризует перевод конкретно окказиональных парных словосочетаний. Это относится к частотному использованию замены форм слова при переводе субстантивных и адъективных словосочетаний, которое объясняется различием в системах падежей двух языков и управлении глаголов, а также в категории грамматического рода существительных: напр., *mit dem Ansehen und –hören* (дательный падеж) — *созерцанием и слушаньем* (творительный падеж), *von Geist und Nichtstun existierend* (дательный падеж) — *живущий духом и бездельем* (творительный падеж), *eine grobe und vergröbernde Überschrift*

(женский род) — *грубое и огрубляющее заглавие* (средний род). То же самое можно сказать об опущении артикля при существительных: напр., *eine Selbstzüchtigung und Selbstverspottung* — *самобичевание и самовысмеивание*, опущении вспомогательного глагола: напр., *ich habe gelitten und gerungen* — *я страдал и боролся*, а также о добавлении наречия “более” или местоименного прилагательного “самый” при образовании аналитической формы сравнительной или превосходной степени прилагательных соответственно: напр., *deutsch-traditioneller und musiknäher* — *более традиционно-немецкий, более близкий к музыке*, *der tiefste und deutscheste Sinn* – *самый глубокий и самый немецкий смысл*.

Однако эти способы перевода мы не рассматриваем в нашей работе, так как нас гораздо больше интересуют способы, характеризующие именно перевод окказиональных парных словосочетаний, а не передачу несоответствия между грамматическими системами двух языков. Их применение различается для трёх частеречных классов, и каждый из них имеет свои особенности перевода.

2.3.1. Особенности перевода субстантивных словосочетаний

Самую большую группу в нашей выборке образуют субстантивные парные словосочетания. Они составляют больше половины примеров: 133 из 215. При этом уникальных словосочетаний 131: два из них встретились по два раза в разных письмах. Единичные повторы словосочетаний в выборке представляют собой явное исключение, которое подтверждает правило уникальности, функциональной одноразовости и невозпроизводимости окказиональных парных словосочетаний. Преобладание субстантивных словосочетаний в письмах Т. Манна объясняется не только упомянутыми выше тенденциями индивидуального стиля писателя, но и статистическими данными о частеречной принадлежности компонентов парных словосочетаний [17, с. 12]. Более того, распространены случаи

окказиональной субстантивации прилагательных и глаголов: напр., *das Kühnste und Wissendste, Verblassen und Niedergehen*.

Синтаксическая структура субстантивных парных словосочетаний весьма однообразна: практически все примеры демонстрируют двухкомпонентную структуру с соединительным союзом „und“: напр., *Recht und Pflicht, Freundin und Fürsprecherin, Schrecken und Staunen*. Лишь в двух примерах компоненты связаны разделительным союзом „oder“: *Stück oder Un-Stück, Drinnen oder Draußen*. Использование разделительного союза объясняется антонимичными отношениями между компонентами словосочетания. В половине случаев (67 из 133) парная структура словосочетания сохраняется при переводе: напр., *Liebe und Lust — любовь и радость, Frechheit und Dummheit — наглость и глупость*. В 35 примерах происходит распространение структуры главными или зависимыми словами: напр., *Krieg und Völkersturm — война и народная буря, Rokokomäßiges und Galantes — элементы рококо и галантности*. В 31 примере наблюдается замена структуры парного словосочетания другой структурой: напр., *Ausläufer und Spätling — поздний отпрыск, Glanz und Glori — великоление*.

Что касается распространения структуры в тексте оригинала, то могут встречаться различные модели. В половине случаев распространение отсутствует: напр., *Vorsicht und Rücksicht, Krieg und Sieg, Zeit und Zukunft*. В 32 примерах к исходной структуре добавляется определение: напр., *amerikanische Kriegs- und Friedensschriften, die egoistische Verödung und Verkünstelung*, в 23 — дополнение, преимущественно в родительном падеже: напр., *Schild und Schutz des Posthumen, Todes- und Lebensfeier der braven Jungen*, в девяти — обстоятельство: напр., *ohne viel Kopfzerbrechen und Zeitverlust, ein wenig Gunst und Sonne*. Разные распространители могут добавляться одновременно: напр., *von den elenden Dummheiten und Niedrigkeiten des öffentlichen Tages, ein letztes gewaltiges Ausholen und Dreinschlagen des germanischen Mittelalters*. В русском переводе распространение и его модель, как правило, сохраняется: напр., *das vier- bis*

fünfmalige Essen und Herumhocken mit der Familie — четырёх-, а то и пятикратное семейное сидение за столом, *jene Spott- und Dummheitsliedchen von der „Welt ohne Transzendenz“* — эти глупо-насмешливые песенки о «мире без трансцендентности». В некоторых примерах происходит разрыв структуры парного словосочетания зависимыми словами, как и в оригинале: напр., *viele Jugend- und frühe Mannesjahre* — многие годы юности и ранней зрелости, *sich zum Schild und Vorspann des absolut Scheusäligen hergaben* — покрывали самое настоящее изуверство и помогали ему. Последний пример иллюстрирует дублирование зависимого слова в переводе при обоих компонентах; кроме того, может изменяться связь зависимого слова с компонентами: напр., *unter hundert Störungen und Müdigkeiten* — при сомне помех и усталости. В данном примере зависимое слово относится к обоим компонентам исходной структуры и только к одному компоненту переводного эквивалента.

Морфологическая целостность субстантивных парных словосочетаний выражается в основном в единстве или отсутствии артикля (или притяжательного местоимения). В 64 примерах наблюдается единство артикля: напр., *auf_s Großartigste und Amüsanteste, ein Politiker und Parteimensch*. 11 примеров характеризуются единством притяжательного местоимения: напр., *mein Werden und Wachstum*. В остальных случаях (преимущественно при абстрактных существительных) происходит опущение артикля. Оно затрагивает компоненты как с одинаковым, так и с разным грамматическим родом: напр., *Sinnlichkeit und Sittlichkeit, Geist und Nichtstun*. Также может проявляться и выравнивание компонентов в числе: напр., *Dummheiten und Niedrigkeiten*. При переводе на русский язык могут передаваться только некоторые из этих морфологических свойств, в частности, единство притяжательного местоимения (только при одинаковом роде компонентов): напр., *in ihrer Deutlichkeit und Direktheit* — своей ясностью и непосредственностью, *no zu meiner Beruhigung und Befestigung* — к моему успокоению и вящей моей твердости. Выравнивание компонентов

в числе также иногда не поддаётся воспроизведению в тексте перевода: напр., *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*.

В 26 примерах имеет место действие синтаксически обусловленной деструкции: напр., *Barock- und Luther-Deutsch, Schluß- und Knalleffekt*. На русский язык такие словосочетания переводятся при помощи разных структурных моделей: парного словосочетания: напр., *Mit- und Nachwelt* — *современники и потомки*, распространённого парного словосочетания: напр., *Welt- und Menschenmögliches* – *путное для мира и человека*, субстантивного словосочетания с подчинительной связью: напр., *Tatsachen- und Fabel-Gerippe* – *сюжетно-фактический костяк*. Исходная структура при этом воспроизводится только во втором случае и затрагивает уже не уровень словообразовательных элементов, а уровень отдельных слов: каждый компонент парного словосочетания переводится несколькими словами, при этом слово, общее для всех компонентов, повторяется только один раз: напр., *Entfaltungs- und Vergeistigungsprozeß* — *процесс развития и одухотворения*. Но даже здесь этот принцип работает не всегда; иногда переводчик сознательно дублирует общее для всех компонентов слово: напр., *Dichter- und Geisteswerke* — *поэтические произведения и произведения умственные*. С другой стороны, структура, аналогичная синтаксически обусловленной деструкции, иногда используется для перевода примеров с другой структурной моделью: напр., *im Großen und Repräsentativen* — *в великих и представительных образцах*.

Семантические отношения между компонентами субстантивных словосочетаний преимущественно сводятся к дополнению (в 106 примерах из 133): напр., *Herz und Hirn, Krieg und Sieg, Zeit und Zukunft*. В отдельных случаях встречаются синонимичные (20 примеров: напр., *Wohlgeübtheit und Erfahrung*) или антонимичные компоненты (7 примеров: напр., *Leiden und Freuden*). Практически всегда (в 112 примерах из 133) отношения между компонентами являются контекстуальными: напр., *Treue und Schläue, Erfrischung und Erneuerung, Entschluß- und Entscheidungslosigkeit*. На русский

язык эти отношения, как правило, передаются в соответствии с оригиналом: напр., *Recht und Pflicht* — *право и долг*, *Spätgekommener und Letzter* — *запоздалый и последний*, *Wohl- und Mißgestalten* — *благообразные и безобразные персонажи*. Однако в редких случаях прослеживается тенденция переводить дополняющие друг друга по значению компоненты синонимичными эквивалентами: напр., *Vorsicht und Rücksicht* — *осторожность и осмотрительность*. Существует и противоположная тенденция: напр., *Sorge und Fürsorge* — *заботливая тревога*. Такое явление объясняется неоднородным характером контекстуальных отношений и появлением в контексте дополнительных коннотаций.

Окказиональная сочетаемость компонентов вызвана действием целого набора факторов, которые иногда могут действовать одновременно. В 46 примерах таким фактором является окказиональность одного из компонентов: напр., *Historie und Poesei*, *Haß und Sühne-Begierde*. Однако при передаче на русский язык переводчик крайне редко прибегает к созданию собственных окказиональных эквивалентов (в 5 примерах из 46): напр., *Selbstzüchtigung und Selbstverspottung* — *самобичевание и самовысмеивание*, *Gesundheit und Lebensgerechtigkeit* — *здоровье и жизнеспособность*. Предпочтительнее оказывается употребление узуальных слов с окказиональной сочетаемостью, обусловленной возникновением новых общих сем в контексте: напр., *Selbstverherrlicher und Selbstvollender* — *сам себя славил и завершал*, *Absinthbrüder und Bohemiens* — *потребители абсента и дети богемы*. Также встречается и окказиональное образование форм множественного числа: напр., *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*. Как видно из приведённого примера, окказиональная форма не воспроизводится при переводе, а заменяется на соответствующую норме форму единственного числа.

Многие из субстантивных окказиональных парных словосочетаний демонстрируют «внешнее сходство» компонентов. В 30 примерах оно обусловлено сходством словообразовательной структуры: напр., *Geistigkeit*

und Sittlichkeit, Selbstzucht und -züchtigung. Это сходство может передаваться на русский язык полностью или частично: напр., *Erfrischung und Erneuerung* — *освежение и обновление*, *Vereinigung und Verständigung* — *слияние и согласие*, а может и не передаваться вовсе: напр., *Keckheit und Reinheit* — *лихость и чистота*. Фонетическое сходство компонентов представлено в 96 примерах. Оно может выражаться в чередовании гласных, аналогичном аблауту (27 примеров): напр., *Nein und Pfui, Farbe und Form*, различных видах рифмы: напр., *Recht und Pflicht* — конечная рифма (18 примеров), *Deutlichkeit und Direktheit* — аллитерация (42 примера), *Plan- und Einheitswelt* — ассонанс (20 примеров), а также в действии закона нарастающих членов (50 примеров): напр., *Zeit und Zukunft, Geist und Nichtstun*. В последнем случае отмечается и противоположная тенденция располагать компоненты по убыванию: напр., *Danebengehendes und Fehlendes, Wohlgeübtheit und Erfahrung*, но она не настолько распространена (всего 18 примеров из 133). При передаче на русский язык сохранить фонетические особенности исходного словосочетания трудно и удаётся только в отдельных случаях: напр., *Deutlichkeit und Direktheit* — *ясность и непосредственность*, *Gesundheit und Lebensgerechtigkeit* — *здоровье и жизнеспособность*, *Sinnlichkeit und Sittlichkeit* — *чувственность и нравственность*. Часто один аспект «внешнего сходства» при переводе заменяется или дополняется другим: напр., *Frechheit und Dummheit* — *наглость и глупость* (к сходству словообразовательной структуры добавляется аллитерация), *Gnad und Fried* — *милость и мир* (чередование гласных заменяется «начальной» рифмой). В 26 примерах окказиональная сочетаемость компонентов вызвана синтаксически обусловленной деструкцией: напр., *Ansehen und -hören, Lebens- und Arbeitskrise*. Особенности таких словосочетаний мы уже рассматривали выше в этом разделе.

Таким образом, большинство примеров в нашей выборке характеризуются некоторыми внешними признаками, обуславливающими окказиональную сочетаемость их компонентов. Только в редких случаях эти

признаки отсутствуют, и окказиональная сочетаемость компонентов объясняется лишь появлением у них новых общих коннотаций в контексте: напр., *Champion und Wortführer, das Olympische und Pompöse*. Компоненты, как правило, имеют общую сему, на основе которой возникают коннотации и образуется общее, целостное значение парного словосочетания. При переводе в первую очередь важно передать общее значение, а некоторые коннотации могут быть утрачены: напр., *Champion und Wortführer* — *поборник и выразитель*, *das Olympische und Pompöse* — *олимпийство и напыщенность*.

В выборке субстантивных окказиональных парных словосочетаний представлен самый широкий спектр способов перевода. Несмотря на обилие окказиональных компонентов в парных словосочетаниях нашей выборки, переводчик крайне редко (в 5 примерах) обращается к созданию окказиональных переводческих неологизмов, отдавая предпочтение узуальным словам; об этом мы уже писали выше в этом разделе. При создании переводческих неологизмов в основном применяется калькирование: напр., *Selbstverteidigung und Selbsterklärung* – *самозащита и самообъяснение*. Напротив, гораздо чаще (в 42 примерах) используется контекстуальный перевод. Он может быть направлен на отдельный компонент парного словосочетания: напр., *aus den Kämpfen und Krämpfen* — *в борьбе и муках*, на оба компонента по отдельности: напр., *Lebens- und Leidenspunkt* — *вопрос жизни и причина страданий*, или на всё словосочетание в целом: напр., *Drinne oder Draußen* — *местонахождение*. Преимущественно в соответствие исходной единице ставится контекстуальный эквивалент (то есть происходит лексическая замена). Но встречаются и случаи нулевого перевода, когда исходная единица не имеет прямых соответствий в тексте перевода, а её значение передаётся при помощи трансформированного особым образом контекста. Нулевой перевод может быть направлен на компоненты парного словосочетания: напр., *Drinne oder Draußen* — *местонахождение*, на целое словосочетание: напр.,

seinem eigenen Wunsch und Willen — ему самому, или на внешние по отношению к парному словосочетанию элементы: напр., *sich zum Schild und Vorspann hergaben* — покрывали и помогали. В последнем примере трансформация контекста подразумевает сохранение парной структуры в виде другой части речи — глаголов, которые не требуют дополнений для передачи значения исходной конструкции. Таким образом, случаи нулевого перевода подразумевают применение опущения и (факультативно) других трансформаций.

В отдельных случаях встречается и использование описательного перевода, подразумевающего толкование исходной единицы при помощи более сложной по структуре единицы языка перевода. Это может быть распространённое словосочетание, оборот или часть предложения. В нашей выборке встретились примеры с описанием при помощи придаточного предложения: напр., *Plan- und Einheitswelt* — мир, где царят план и единство, однородных придаточных предложений: напр., *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма, причастного оборота: напр., *Teufelsknecht und Körperfürst* — состоящий на службе у дьявола властитель плоти, деепричастного оборота: напр., *ohne viel Kopfzerbrechen und Zeitverlust* — не очень ломая себе голову и не тратя много времени. Однако более характерно для перевода парных словосочетаний как раз не усложнение структуры, а её как можно более точная передача: калькирование на уровне дословных соответствий отмечается в 40 случаях. Эти примеры отражают стремление переводчика по возможности воспроизвести исходную синтаксическую и семантическую структуру: напр., *mit Treue und Schläue* — с преданностью и хитростью, *Krieg und Sieg* — война и победа.

Тем не менее, сохранить исходную структуру парного словосочетания удаётся далеко не всегда, и на помощь переводчику приходят разнообразные трансформации. Так, 32 примера характеризуются применением трансформации добавления: напр., *Welt- und Menschenmögliches* — путное для

мира и человека. Как видно из приведённых примеров, к синтаксической структуре парного словосочетания может добавляться главное или зависимое слово. Добавленное главное слово относится ко всему парному словосочетанию в целом, ко всем его компонентам; зависимые же слова добавляются к какому-либо одному из компонентов: напр., *Absinthbrüder und Bohemiens* — *потребители абсента и дети богемы*.

Гораздо реже используется обратная добавлению трансформация — опущение. Оно встречается только в десяти примерах из нашей выборки. Опущение обычно затрагивает либо союз: напр., *Selbstzucht und –züchtigung* — *самодисциплина, самоограничение*, либо один из компонентов (и соответственно союз): напр., *Dringlichkeiten und Zudringlichkeiten* — *заботы*, либо парное словосочетание целиком: напр., *seinem eigenen Wunsch und Willen* — *ему самому*. Если добавление, как правило, просто распространяет словосочетание, кардинально не меняя его парную структуру (в том числе количество компонентов и их союзную связь), то опущение эту структуру неизбежно нарушает. Эти две трансформации вполне могут применяться в комбинации: напр., *mit Sinnen und Nerven* — *всеми чувствами, всеми нервами*. Распространение структуры зависимыми словами и опущение союза при этом происходят независимо друг от друга и не компенсируют друг друга.

Отмечается и использование переводчиком практически всех видов замен. Семь примеров характеризуются использованием замены форм слова, которая подразумевает замену формы множественного числа формой единственного: напр., *Kämpfe und Krämpfe* — *борьба и муки*, *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*, или наоборот: напр., *Gala-Oper und Festesserei* — *оперная парадность и банкеты*. В приведённых примерах замена форм слова затрагивала только один из компонентов, нарушая исходное выравнивание компонентов в числе. Однако формы числа могут быть заменены и сразу у обоих компонентов: напр., *Danebengehendes und Fehlendes* — *неточности и пробелы*, *Geschrei und Gespei* — *плевок и вопль*. Выравнивание в числе в этом случае сохраняется.

Замена частей речи встречается в 38 примерах. Она охватывает замену при переводе субстантивных компонентов на глагольные: напр., *Vermenschlichung und Entgiftung* — очеловечить и оздоровить, и адъективные: напр., *Geschichtlichkeit und Geistigkeit* — историчный и духовный. При этом синтаксическая структура парного словосочетания сохраняется, как и при одновременном действии замены частей речи и добавления: напр., *Gestaltgebung und Objektivierung* — придавать форму и объективизировать. Также замена частей речи наблюдается в случае преобразования субстантивного парного словосочетания в субстантивное с зависимым определением: напр., *Ausläufer und Spätling* — поздний отпрыск, *Essen und Herumhocken* — сидение за столом. В редких случаях замена частей речи используется в комбинации с опущением: напр., *sich zum Schild und Vorspann hergaben* — покрывали и помогали, или с добавлением и опущением: напр., *Objektivierung und Distanzierung* — объективизировать, соблюдать дистанцию. Если опущению подвергаются внешние по отношению к парному словосочетанию члены предложения, то парную структуру с союзом ещё возможно сохранить; при опущении союза структура нарушается, и добавление не компенсирует это изменение структуры.

Замена членов предложения, как правило, действует в комбинации с заменой частей речи: напр., *Verleugnung und Vergewaltigung* — отрицающая и попирающая, *Betonen und Heraustreiben* — подчеркнула и выпятила, *Sorge und Fürsorge* — заботливая тревога. При этом дополнение или подлежащее встают в позицию обстоятельства, сказуемого или определения. Синтаксическая роль может меняться сразу у обоих компонентов или только у одного из них. В отдельных случаях встречается и замена дополнения подлежащим: напр., *das Buch brauchte den Schild und Schutz des Posthumen* — Вашей книге нужна была бы защитная вывеска посмертного издания. Частеречная принадлежность обоих компонентов или хотя бы одного из них при этом сохраняется.

В трёх примерах наблюдается замена словосочетания придаточными предложениями: напр., *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — *когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма*, *Plan- und Einheitswelt* — *мир, где царят план и единство*. Такая трансформация применяется при использовании описательного перевода парного словосочетания. Как можно увидеть из приведённых примеров, парная структура при этом сохраняется, но воспроизводится на более высоком синтаксическом уровне однородных членов придаточного предложения (в нашем случае — на уровне однородных подлежащих) или однородных придаточных.

Антонимический перевод встретился всего в одном примере из нашей выборки: напр., *nie Vorgekommenes und Zugestoßenes* — *совершенно новое*. Этот способ перевода выступает здесь в комбинации с контекстуальным переводом, заменой частей речи и членов предложения, добавлением и опущением. Также имеет место и строго лексический перевод. Значение парного словосочетания передаётся при помощи контекстуального антонима, компенсирующего отрицание в тексте оригинала.

Наконец, трансформация перестановки встретилась в нашей выборке в шести примерах: напр., *Geschrei und Gespei* — *плевки и вопли*, *Ausläufer und Spätling* — *поздний отпрыск*. Как показывают приведённые примеры, в первом случае переводчик намеренно меняет порядок следования компонентов во избежание неблагозвучного сочетания повторяющихся звуков [57, с. 190], а во втором перестановка необходима с точки зрения структуры переводного эквивалента: для определения, выраженного прилагательным, в русском языке наиболее типична позиция перед определяемым словом, а не после него. Все остальные примеры с перестановкой компонентов имеют такую же структуру, как и во втором случае.

2.3.2. Особенности перевода адъективных словосочетаний

Адъективные окказиональные парные словосочетания составляют вторую по величине группу в нашем исследовании, всего было выделено 70 таких примеров. В группу адъективных вошли словосочетания с прилагательными, причастиями и наречиями в качестве основных компонентов. Столь разнородный состав объясняется тем, что разделять в немецком языке качественные прилагательные и наречия на практике оказывается нелегко (особенно в случае совпадения форм: напр., *ausdrücklich und nachdrücklich* — наречное словосочетание, *schwierig und langwierig* — собственно адъективное), а парное словосочетание нередко образуется в результате сочетания адъектива с причастием или качественного наречия с наречием другого типа: напр., *grob und vergröbernd, viel und gramvoll*. Поэтому в рамках адъективных мы будем рассматривать и адъективно-адвербиальные словосочетания по Г.Н. Эйхбаум [29, С. 148—149, 157—158].

С точки зрения синтаксиса подавляющее большинство выделенных нами словосочетаний характеризуются двухкомпонентной структурой с соединительным союзом „und“. В единичных случаях встречаются разделительный союз „oder“ и четырёхкомпонентная структура: напр., *bemerkbar oder vermutbar, uralte und abgenutzt und welt- und meinungsmüde*. При переводе данная структура парного словосочетания сохраняется в половине случаев (35 из 70): напр., *klug und klar* — умно и ясно, *lernend und lehrend* — учась и уча. Также довольно часто (в 25 примерах из 70) наблюдается распространение парной структуры главными или зависимыми словами: напр., *reduziert und herabgestimmt* — в плохом и подавленном состоянии, *verbrannt und verfemt* — сожжены и преданы поруганию. В восьми примерах при переводе произошло опущение союза: напр., *verrucht und boshaft-nihilistisch* — нечестивый, злобно-нигилистический, *gewaltig und weltwirksam* — огромный, мирового значения. В единичных случаях был отмечен перевод парного словосочетания словосочетанием другой структуры

или одним словом: напр., *empfänglich und erkenntlich* — горячая признательность, *halb tierisch und satyrhaft* — полуживотное-полусати́р.

Синтаксическая целостность адъективных парных словосочетаний обеспечивается либо отсутствием зависимых или главных слов, либо их единством для словосочетания в целом. Почти половина примеров (34 из 70) характеризуется единством главного слова-существительного: напр., *intelligentester und bestunterrichteter Kritiker, feiner und reiner Mensch*. На русский язык это единство, как правило (в 32 примерах из 34), передаётся в той же форме: напр., *grobe und vergröbernde Überschrift* — грубое и огрубляющее заглавие, *einzelne und einmalige Problematik* — отдельная и уникальная проблематика. В двух остальных примерах главное слово опускается, и его значение компенсируется в парном словосочетании: напр., *sinn- und rechtloser Weise* — бессмысленно и противозаконно, *in zerlumptem und zerdeppertem Zustand* — в лохмотьях и развалинах. Чуть больше трети примеров (24 из 70) характеризуется единством зависимых обстоятельств: напр., *bis zur Entmutigung erschwert und verumständlicht, recht traum- und nebelhaft*. При переводе практически во всех из них (23 из 24) распространение передаётся в неизменном виде: напр., *so klar und wahr* — так ясно, наглядно и достоверно, *täglich gestützt und genährt* — каждодневно питаемый и подкрепляемый. В одном примере происходит дублирование зависимого слова и изменение его синтаксической роли: *so hoch- und zartgestimmt* — с таким подъёмом и такой нежностью. Также в единичном случае отмечается добавление дополнения к причастному словосочетанию: *meinem eigenen Denken und Fühlen verwandt und vertraut* — родственно и близко моим собственным мыслям и чувствам. В одном примере обстоятельственное распространение относится только к одному из компонентов словосочетания: *zwar romantisch verwuchert und arabeskenreich* — при всей романтической избыточности, при всей замысловатости. В трёх случаях при переводе парная структура разрывается другими членами предложения: напр., *einer rätselhaften und todbeschatteten Einsamkeit* —

загадочного одиночества, осененного смертью, wo das Gedicht am homerischsten und naivsten scheine — в самых как будто близких к Гомеру и самых как будто наивных местах поэмы.

Морфологическая целостность проявляется у адъективных парных словосочетаний главным образом в выравнивании флексий, которое воспроизводится и в русском переводе при сохранении парной структуры: напр., *frohes und freies Wirken* — радостный и свободный труд, *traum- und nebelhaft* — призрачны и туманны. Также в примерах с адъективными компонентами в форме сравнительной (1 пример) или превосходной степени (6 примеров) наблюдается выравнивание степеней сравнения компонентов, которое сохраняется и в русском переводе: напр., *deutsch-traditioneller und musikhäher* — более традиционно-немецкий, более близкий к музыке, *die utilitarisierteste und mechanisierteste Gesellschaft* — самое утилитарное, самое механизированное общество. В одном примере с причастными компонентами отмечается и единство возвратного местоимения: *sich bekennden und bewahrenden Lebens* — жизни, выражающей и сохраняющей себя. Иногда (в 10 примерах из 70) встречаются проявления синтаксически обусловленной деструкции: напр., *herein- und weghuschend* — прошмыгивающей в комнату и из комнаты, *traum- und nebelhaft* — призрачны и туманны. На русский язык такие словосочетания передаются, как правило, при помощи простой или распространённой структуры парного словосочетания.

В отношении семантики адъективные словосочетания довольно однородны: в большинстве примеров (52 из 70) между компонентами наблюдается отношение дополнения: напр., *reich und literaturfreundlich, wohlbehalten und ruhmbedeckt, empfänglich und erkenntlich*; каждый пятый пример (14 из 70) является сочетанием синонимов: напр., *traum- und nebelhaft, unruhig und zerstreungsvoll*, и лишь в четырёх случаях компоненты являются антонимами: напр., *herein- und weghuschend*. При переводе на русский язык эти отношения, как правило, передаются в случае сохранения

структуры из двух и более компонентов: напр., *empfänglich und erkenntlich* — горячая признательность, *einzelnen und einmalig* — отдельный и уникальный, *bewegt und bewegend* — взволнованный и волнующий. Подавляющее большинство примеров (61 из 70) характеризуются контекстуальными отношениями между компонентами: напр., *kühl und überkonzentriert* — холодный и сверхсосредоточенный, *erschwert und verumständlicht* — затруднена и осложнена, *lernend und lehrend* — учась и уча.

Окказиональная сочетаемость компонентов адъективных парных словосочетаний обусловлена разными причинами. Довольно много примеров (27 из 70) содержат окказиональные компоненты: напр., *fromm und sinnig-geistvoll* — честный и умный, *kühn und hoch-prekär* — смелый и крайне щекотливый. При их переводе С.К. Апт чаще всего использует в качестве эквивалента узуальное слово, но иногда прибегает и к созданию собственных окказионализмов: напр., *weltalltrunken und menschheitlich-kulturpädagogisch* — проникнутый восторгом перед вселенной и человечно-культурно-педагогический. Встречается и окказиональное формообразование (6 примеров с адъективами или причастиями в превосходной степени): напр., *der tiefste und deutscheste Sinn* — самый глубокий и самый немецкий смысл, *einer der leuchtendsten und bleibendsten* — один из самых ярких и прочных. Иногда переводчику удастся сохранить окказиональный характер формы, но в большинстве случаев вместо исходной окказиональной в переводе появляется узуальная форма. В пяти случаях наблюдается появление общей семы у компонентов в контексте: напр., *analphabetisch und mörderisch* — безграмотный и злобный, *ausführlich und erbittert* — подробно и горько. Однако наибольшее число примеров (54 из 70) характеризуется появлением дополнительных коннотаций из-за «внешнего сходства» компонентов, которое проявляется в сходстве словообразовательной структуры или фонетического состава компонентов, а также в действии словообразовательной деструкции.

Сходство словообразовательной структуры наблюдается в 15 примерах. Оно проявляется в использовании идентичных приставок или суффиксов при образовании адъективов: напр., *überholt und überflüssig, bemerkbar oder vermutbar*. Иногда компоненты являются однокоренными: напр., *ausdrücklich und nachdrücklich*. Однако чаще всего «морфологический параллелизм» характерен для причастных компонентов: напр., *bewegt und bewegend, gestützt und genährt, zerlumpt und zerdeppert*. На русский язык это сходство передаётся с трудом, только в двух примерах с причастными компонентами оно воспроизводится полностью: *erfrischend und ernüchternd* — *освежающий и отрезвляющий*, *ausgetragen und ausgebaut* — *выношенный и выстроенный*. В основном оно либо передаётся не полностью, в каком-либо одном словообразовательном элементе: напр., *bekennend und bewahrend* — *выражающий и сохраняющий*, *bewegt und bewegend* — *взволнованный и волнуемый*, либо не воспроизводится вообще: напр., *in zerlumptem und zerdeppertem Zustand* — *в лохмотьях и развалинах*, *wirklich und ehrlich* — *на самом деле и честно*.

Наиболее распространены в нашей выборке словосочетания с фонетическим созвучием компонентов: их оказалось 36. Закон нарастающих членов действует для 24 словосочетаний: напр., *flau und flüchtig, sündhaft und weltfeindlich*. При переводе это фонетическое свойство парного словосочетания может воспроизводиться или не воспроизводиться: напр., *reich und literaturfreundlich* — *богатый и любящий литературу*, *fromm und sinnig-geistvoll* — *честный и умный*. Встречаются и различные виды рифмы: в семи примерах наблюдается конечная рифма: напр., *fein und rein, klar und wahr*; в девяти — аллитерация: напр., *klug und klar, flau und flüchtig*; в 16 примерах проявляется ассонанс: напр., *empfänglich und erkenntlich, klar- und scharfsichtig*. Также распространены чередования гласных, аналогичные аблауту, они отмечаются в 12 примерах: напр., *viel und gramvoll, froh und frei*. Иногда несколько фонетических принципов действуют вместе: напр., *lernend und lehrend* — аллитерация и ассонанс, *wirklich und ehrlich* — конечная

рифма и чередование гласных (здесь отмечается ещё и «морфологический параллелизм»). При переводе большинство фонетических свойств теряются, так как далеко не всегда в русском языке находятся фонетически созвучные языковые средства с нужными значениями: напр., *lernend und lehrend* — *учась и уча*, *klar- und scharfsichtig* — *зоркий и прозорливый*. Но зато переводчик иногда воспроизводит фонетическое созвучие компонентов там, где его нет в оригинале: напр., *ausführlich und erbittert* — *подробно и горько* (ассонанс). В некоторых случаях фонетическое созвучие компонентов переводного эквивалента может заменять или дополнять другой аспект «внешнего сходства» компонентов в оригинале, например, сходство словообразовательной структуры или действие синтаксически обусловленной деструкции: напр., *gestützt und genährt* — *питаемый и подкрепляемый* (сходство словообразовательной структуры частично заменяется конечной рифмой), *ufer- und aussichtslos* — *бесконечный и бесполезный* (синтаксически обусловленная деструкция дополняется ассонансом).

Наконец, в 10 примерах окказиональная сочетаемость компонентов обусловлена действием синтаксически обусловленной деструкции, про неё уже говорилось выше в этом разделе. При переводе иногда используется похожая структура, когда компоненты передаются на русский язык несколькими словами, одно из которых — общее для всех компонентов — повторяется лишь однажды: напр., *lebens- und todesernst* — *жизненно и смертельно серьёзный*, *welt- und meinungsmüde* — *уставший от мира и от мнений*. В некоторых случаях синтаксически обусловленная деструкция заменяется сходством словообразовательной структуры у переводных эквивалентов: напр., *herz- und hirnlos* — *бессердечный и безмозглый*.

Что касается способов перевода адъективных парных словосочетаний, то здесь представлен широкий спектр разнообразных стратегий, описанных в предыдущем разделе. В 7 примерах отмечается создание окказиональных переводческих неологизмов: напр., *verrucht und boshaft-nihilistisch* —

нечестивый, злобно-нигилистический, deutschfreundlich und emigrationsfeindlich — германолюбы и антиэмигранты. Эти неологизмы используются для перевода как авторских окказионализмов: напр., *weltalltrunken und menschheitlich-kulturpädagogisch — проникнутый восторгом перед вселенной и человечно-культурно-педагогический,* так и узуальных слов: напр., *halb tierisch und satyrhaft — полуживотное-полусатир.* Стоит отметить, что авторские окказионализмы далеко не всегда передаются путём создания переводческих неологизмов, чаще всего переводчик использует в этом случае именно узуальные слова: напр., *traumschnurrig-hintergründig und korrekt — забавный, как сон, глубокий и корректный.*

Встречается и использование контекстуального перевода (в 12 примерах из 70): напр., *intelligentester und bestunterrichteter Kritiker — самый умный и самый осведомленный критик, verwuchert und arabeskenreich — избыточность, замысловатость.* Лексическая замена затрагивает, как правило, отдельные компоненты парного словосочетания и ставит в соответствие исходным единицам контекстуальные эквиваленты: напр., *fromm und sinnig-geistvoll — честный и умный, wiederherstellend und zukunftsfreundlich zu wirken suchen — проявлять тенденцию к восстановлению и дружелюбие к будущему.* Случаев нулевого перевода адъективных парных словосочетаний обнаружено не было. Калькирование на уровне дословных соответствий, напротив, оказалось одним из частотных способов перевода. Оно использовалось в 24 примерах: напр., *klug und klar — умно и ясно, lernend und lehrend — учась и уча, ausdrücklich und nachdrücklich — ясно и убедительно.*

Применение добавления при переводе адъективных парных словосочетаний встречается в нашей выборке довольно часто — в 32 примерах. Добавляться при этом может зависимое или главное слово: напр., *wohlbehalten und ruhmbedeckt — невредимый и покрытый славой, reduziert und herabgestimmt — в плохом и подавленном состоянии,* а также новый компонент: напр., *klar und wahr — ясно, наглядно и достоверно.* В 11

примерах наблюдалось применение опущения. Опущению в подавляющем большинстве случаев подвергался союз: напр., *verrucht und boshaft-nihilistisch* — *нечестивый, злобно-нигилистический*, *die utilitarisierteste und mechanisierteste Gesellschaft* — *самое утилитарное, самое механизированное общество*. В отдельных случаях происходило опущение главного или зависимого слова при компонентах: напр., *sinn- und rechtloser Weise* — *бессмысленно и противозаконно*, *halb tierisch und satyrhaft* — *полуживотное-полусатир*. Опущение и добавление часто применялись одновременно: напр., *vermittelnd und verwirklichend* — *посреднический, претворяющий в жизнь*, *rätselhaft und todbeschattet* — *загадочный, осененный смертью*. В этом случае опускается союз и добавляются зависимые слова к одному из компонентов.

С.К. Апт также использует разные виды замен. В девяти примерах наблюдается замена форм прилагательного или причастия. Это замена краткой формы в оригинале на полную в переводе: напр., *unruhig und zerstreungsvoll* — *беспокойный и рассеянный*, *traumschnurrig-hintergründig und korrekt* — *забавный, как сон, глубокий и корректный*. Также имеет место замена флективных форм единственного числа на формы множественного: напр., *eine ufer- und aussichtslose Erwiderung und Berichtigung* — *бесконечные и бесполезные возражения и опровержения*. В 28 примерах была отмечена замена частей речи. Адъективы в составе парных словосочетаний заменялись на существительные: напр., *in zerlumptem und zerdeppertem Zustand* — *в лохмотьях и развалинах*, глаголы и местоимения: *überholt und überflüssig* — *устарело и уже ни к чему*. Иногда вместо адъектива в структуру встраивается сравнительная конструкция: напр., *psychologisch und leitmotivisch* — *психологически и как лейтмотив*. Замена частей речи может выступать в комбинации с добавлением и/или опущением: напр., *so hoch- und zartgestimmt* — *с таким подъёмом и такой нежностью*, *verwuchert und arabeskenreich* — *избыточность, замысловатость*, *gewaltig und weltwirksam* — *огромный, мирового значения*. Замена частей речи может затрагивать как оба компонента парного словосочетания, так и только один из них. В

последнем случае структура парного словосочетания нарушается, так как она предполагает компоненты одной и той же части речи. Замена части речи может происходить и в рамках условно определённого нами класса адъективов: напр., *offenkundig und citatweise* — *открыто и оперируя цитатами*. В 35 примерах действует замена членов предложения. Иногда адъектив в предикативной функции при переводе становится в атрибутивную позицию: напр., *wohlbehalten und ruhmbedeckt* — *невредимый и покрытый славой*. Также замена членов предложения часто сопровождается заменой части речи: напр., *etwas gauklerisch und übermütig wirken* — *производить впечатление фиглярства и озорства* (парное словосочетание в функции обстоятельства встаёт в атрибутивную позицию).

Компенсация встречается в нашей выборке в трёх примерах. В основном это случаи замены синтаксически обусловленной деструкции другими признаками «внешнего сходства»: напр., *ufer- und aussichtslos* — *бесконечный и бесполезный* (в переводном эквиваленте проявляются признаки «морфологического параллелизма» и ассонанс). Последний способ перевода — перестановка — представлен в выборке адъективных парных словосочетаний единственным примером: *gestützt und genährt* — *питаемый и подкрепляемый*. Изменение порядка следования компонентов при переводе здесь объясняется стремлением соблюсти закон нарастающих членов.

2.3.3. Анализ перевода глагольных словосочетаний

Глагольные окказиональные парные словосочетания составляют самую немногочисленную группу в нашей выборке: таких примеров оказалось всего 12. При этом мы рассматривали в качестве глагольных словосочетания, компоненты которых выражены личными формами глагола или инфинитивом; словосочетания с причастными компонентами мы отнесли к адъективным в силу сходства синтаксических и морфологических свойств.

Все отобранные нами глагольные словосочетания демонстрируют одинаковую синтаксическую структуру: два глагольных компонента, соединённых союзом „und“. В переводе данная структура сохраняется в семи случаях из 12: напр., *bedrückt und beängstigt* — *угнетает и страшит*, *habe gelitten und gerungen* — *страдал и боролся*; в двух примерах наблюдалось распространение структуры (в том числе формальное): *muß gekegelt und getrunken sein* — *нужно играть в кегли и пить*, *nie verlassen und verloren* — *не покидал и не терял*, в двух — перевод словосочетания одним словом (строгий лексический перевод): *erhole und erquicke* — *отдыхаю*, *gerät und mißrät* — *сбивается*, в одном случае произошло опущение союза: *starb und verdarb* — *умер, стал прахом*.

Синтаксическая целостность всех глагольных словосочетаний поддерживается распространением словосочетания как единого целого зависимыми словами. В десяти примерах из 12 распространение происходит при помощи обстоятельства: напр., *zu tief, zu schändlich haben sie sich eingelassen und bloßgestellt* — *слишком глубоко, слишком позорно они увязли и оконфузились*, *ich habe ... zwei Jahre lang gelitten und gerungen* — *... я два года страдал и боролся*. В пяти примерах парное словосочетание распространяется дополнением: напр., *was du jetzt treiben und schreiben magst* — *чем ты сейчас живешь и что пишешь*. Таким образом, в трёх случаях к глагольному словосочетанию присоединяются сразу два зависимых члена предложения — дополнение и обстоятельство: напр., *bedrückt und beängstigt mich sehr* — *очень угнетает меня и страшит*. Распространения сохраняются при переводе во всех примерах, в пяти случаях распространения встраиваются внутрь парного словосочетания, разрывая структуру. В одном примере разрыв происходит из-за дублирования обстоятельства при каждом компоненте: *irgendwo starb und verdarb* — *где-то умер, где-то стал прахом*, в двух примерах между компонентами парного словосочетания встраивается общее дополнение: напр., *habe ich ihn ... nie verlassen und verloren* — *никогда ... не покидал его и не терял*. Ещё два примера характеризуются

дублированием дополнения при каждом компоненте: напр., *politisches „Mitbestimmungsrecht“ erstreben und erzwingen* — добиваются «права участвовать в государственной жизни» и завоевывают его. Дублирование здесь обусловлено тем, что в немецком языке глагольные парные компоненты имеют одинаковое управление, а в русском — разное.

С точки зрения морфологии все исходные словосочетания характеризуются единством форм времени компонентов, которое сохраняется во всех двухкомпонентных переводных эквивалентах (10 из 12): напр., *lebe und webe* — живу и творю, *habe gelitten und gerungen* — страдал и боролся. В четырёх случаях проявляется единство вспомогательного или модального глагола (а также возвратного местоимения „sich“): напр., *haben sich eingelassen und bloßgestellt* — увязли и оконфузились, *muß gekegelt und getrunken sein* — нужно играть в кегли и пить; в русском переводе эти признаки не передаются. Действие словообразовательной деструкции в отношении глагольных словосочетаний не наблюдалось.

Семантика глагольных словосочетаний охватывает в основном два типа отношений между компонентами: синонимия (6 из 12): напр., *bedrückt und beängstigt, erstreben und erzwingen*, и дополнение (5 из 12): напр., *lebe und webe, treiben und schreiben*. В единичном случае встретилось словосочетание с антонимичными компонентами: *gerät und mißrät*. Отношения между компонентами были сохранены во всех двухкомпонентных переводных эквивалентах (10 из 12): напр., *bedrückt und beängstigt* — угнетает и страшит, *lebe und webe* — живу и творю. В двух случаях строго лексического перевода компоненты были связаны синонимичными или антонимичными отношениями: *erhole und erquicke* — отдыхаю, *gerät und mißrät* — сбивается. В подавляющем большинстве примеров (8 из 12) отношения между компонентами являются контекстуальными, в них прослеживается логическая связь между компонентами: напр., *muß gekegelt und getrunken sein* — нужно играть в кегли и пить, *nie verlassen und verloren* — не покидал и не терял.

Лишь в одном случае окказиональная сочетаемость компонентов вызвана появлением общей семы в контексте: *haben sich eingelassen und bloßgestellt* — *увязли и оконфузились*. Практически во всех примерах (11 из 12) окказиональная сочетаемость обусловлена появлением новых коннотаций благодаря внешнему сходству компонентов. В семи случаях из 12 внешнее сходство компонентов обусловлено сходством морфологической структуры: напр., *bedrückt und beängstigt, gelitten und gerungen*, в пяти примерах проявляется фонетическое созвучие компонентов: напр., *treiben und schreiben, lebe und webe*, при этом оба показателя действуют одновременно в единичном случае: *gerät und mißrät*. Сохранить внешнее сходство компонентов переводчику не удаётся, хотя в одном примере он пытается это сделать при помощи аллитерации: *stilisieren und symbolisieren* — *стилизировать и символизировать*. Действие закона нарастающих членов проявляется только в двух примерах и передаётся на русский язык: *stilisieren und symbolisieren* — *стилизировать и символизировать, starb und verdarb* — *умер, стал прахом*.

Что касается способов перевода, то в отношении глагольных словосочетаний применяется лишь ограниченное их количество. Наиболее распространено калькирование на уровне дословных соответствий (7 примеров из 12): напр., *lebe und webe* — *живу и творю, erstreben und erzwingen* — *добиваются ... и завоёвывают*. По три раза встречаются добавление и опущение, причём один раз из них — в комбинации: *starb und verdarb* — *умер, стал прахом*. Добавляются зависимые слова: напр., *muß gekegelt und getrunken sein* — *нужно играть в кегли и пить*, также характерно дублирование зависимого слова: напр., *irgendwo starb und verdarb* — *где-то умер, где-то стал прахом*, или частицы: напр., *ihn ... nie verlassen und verloren* — *не покидал его и не терял*. Дублирование отрицательной частицы объясняется различием структуры отрицательных конструкций в русском и немецком языках: в то время как немецкая структура должна иметь только одно отрицание, в русской их может быть несколько. Опущению может

подвергаться либо один из компонентов: напр., *erhole und erquicke* — *отдыхаю*, либо союз: напр., *starb und verderb* — *умер, стал прахом*. В двух случаях имеет место контекстуальный перевод компонента: *treiben und schreiben magst* — *живешь и пишешь*, или словосочетания в целом: *gerät und mißbrät* — *сбивается*. Использование других способов перевода в случае глагольных словосочетаний не наблюдалось.

2.4. Сопоставление переводческих стратегий

Для начала стоит отметить, что перевод окказиональных парных словосочетаний в письмах Т. Манна осуществлялся на трёх уровнях (из шести по И.С. Алексеевой [2, С. 150—153]): на уровне морфем, слов и словосочетаний. В подавляющем большинстве случаев отмечается перевод на уровне слов: напр., *Recht und Pflicht* — *право и долг*, *bewegt und bewegend* — *взволнованный и волнующий*. Одним из основных свойств окказионального парного словосочетания является окказиональная сочетаемость его компонентов, и именно при переводе на уровне слов обеспечивается наиболее точная и полная передача этой характерной особенности. Гораздо реже встречается перевод на уровне словосочетаний: напр., *Glanz und Glori* — *великолепие*, *empfänglich und erkenntlich* — *горячая признательность*. Тем не менее, такие случаи далеко не единичны, и использование этой переводческой стратегии объясняется синтаксической, морфологической и семантической целостностью окказионального парного словосочетания, его функционированием в тексте в качестве самостоятельной единицы. Крайне редко проявляется и перевод на уровне морфем: напр., *Erfrischung und Erneuerung* — *освежение и обновление*, *ausgetragenes und ausgebautes (Gedankenwerk)* — *выношенное и выстроенное (сочинение)*. Такой подход отражает «внешнее сходство» компонентов парного словосочетания: сходство их словообразовательной структуры и/или фонетическое созвучие.

Обратимся далее к способам перевода. Самыми распространёнными способами перевода субстантивных словосочетаний являются замена членов предложения и частей речи. Чаще всего один (или оба) из субстантивных компонентов представляют собой сложные слова, которые переводятся на русский язык словосочетанием типа “прилагательное + существительное” или “существительное + существительное”: напр., *Mutterfreuden und -Ängste* — *материнские радости и тревоги*, *Familiensohn und Familienvater* — *сын семьи и отец семейства*. Такие преобразования структуры словосочетания вызываются действием добавления — третьего по частотности способа перевода субстантивных словосочетаний. Комбинация замены членов предложения, частей речи и добавления — самая частотная комплексная трансформация при переводе субстантивных словосочетаний. Довольно распространены и лексические замены, которые по большей части представляют собой контекстуальные соответствия: напр., *Nein und Pfiu* — *отвращение и ненависть*, *Schreiben und Auseinanderklauben* — *писание и копанье в себе*. В составе парного словосочетания компоненты приобретают новые коннотации, и для их передачи приходится прибегать к лексическим заменам. Однако там, где это возможно, переводчик старается передать исходную структуру как можно ближе к оригиналу при помощи калькирования на уровне дословных соответствий: напр., *Heim und Heimat* — *дом и родина*, *Krieg und Sieg* — *война и победа*. Этот способ помогает раскрыть окказиональную сочетаемость компонентов в составе словосочетания.

Остальные способы перевода в выборке субстантивных словосочетаний встречаются реже. Несмотря на обилие окказионализмов в качестве компонентов парных словосочетаний, в подавляющем большинстве таких случаев переводчик не прибегает к образованию собственных неологизмов, а использует при переводе узуальные слова и их окказиональные сочетания: напр., *Lebhaftigkeit und Gegenwärtlichkeit* — *живость и наглядность*, *Absinthbrüder und Bohemiens* — *потребители*

абсента и дети богемы. Однако при этом он компенсирует такой подход созданием окказионализмов для перевода некоторых узуальных слов: напр., *das Olympische und Pompöse* — *олимпийство и напыщенность*. При переводе окказиональных авторских образований может использоваться и описательный перевод: напр., *Teufelsknecht und Körperfürst* — *состоящий на службе у дьявола властитель плоти*, *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — *когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма*. При этом происходит усложнение исходной структуры: распространение словосочетания или его замена придаточным предложением. Но, как справедливо отмечает И.С. Алексеева [2, с. 169], этот способ вызывает увеличение объёма текста перевода по сравнению с текстом оригинала, поэтому он используется крайне редко. Также не передаются на русский язык и окказиональные формы множественного числа, которые при переводе заменяются узуальными формами единственного: напр., *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*.

В силу сложности преобразований практически не используется такая комплексная трансформация, как антонимический перевод: напр., *nie Vorgekommenes und Zugestoßenes* — *нечто совершенно новое*. Редко встречается и не обусловленное синтаксическими изменениями опущение, направленное на избыточные компоненты или союз: напр., *Dringlichkeiten und Zudringlichkeiten* — *заботы*, *Objektivierung und Distanzierung* — *объективизировать, соблюдать дистанцию*. Данная тенденция обусловлена стремлением переводчика сохранить одно из ключевых свойств парного словосочетания — его синтаксическую структуру. Тем же объясняется и применение перестановок только в тех случаях, когда этого требуют либо синтаксические изменения структуры: напр., *Tatsachen- und Fabel-Gerippe* — *сюжетно-фактический костяк*, либо стилистические нормы языка: напр., *Geschrei und Gespei* — *плевки и вопли*.

Сходные особенности наблюдаются и при переводе адъективных словосочетаний. Наиболее распространены трансформации замены частей

речи, членов предложения и добавления, которые часто выступают в комбинации друг с другом: напр., *empfänglich und erkenntlich* — горячая признательность, *kühn und hoch-prekär* — смелый и крайне щекотливый. Кроме того, отмечается довольно частотное применение калькирования на уровне дословных соответствий: напр., *rein und frei* — чисто и свободно, лексических замен: напр., *traum- und nebelhaft* — призрачны и туманны, а также опущения, которое, как правило, затрагивает союз: напр., *verruicht und boshaft-nihilistisch* — нечестивый, злобно-нигилистический. Опущение союза здесь может объясняться тенденцией, на которую указывает Л.С. Бархударов [31, с. 229]: для русского языка (особенно для разговорного стиля речи) более характерна бессоюзная связь, чем союзная. Так как для личного письма, как мы упоминали ранее, характерны элементы разговорного стиля, то и замена союзной связи бессоюзной выглядит вполне обоснованной.

Что касается менее частотных способов перевода, то здесь наблюдаются небольшие отличия. Замена форм слова у адъективных компонентов затрагивает не только формы числа, но и полные/краткие формы прилагательных и причастий: напр., *wohlbehalten und ruhmbedeckt* — невредимый и покрытый славой. Однако в большинстве случаев синтаксическая функция словосочетания остаётся неизменной, и форма сохраняется при переводе: напр., *schwierig und langwierig* — тяжелы и длительны, *ein bewegter und bewegender Brief* — взволнованное и волнующее письмо. Компенсация проявляется не только на уровне текста (перевод окказионализмов узуальными словами и узуальных слов переводческими окказиональными неологизмами), но и на уровне словосочетания: синтаксически обусловленная деструкция, которая не передаётся при переводе на русский язык, компенсируется бóльшим сходством словообразовательной структуры переводных эквивалентов по сравнению с оригиналом: напр., *ufer- und aussichtslos* — бесконечный и бесполезный. Описательный перевод адъективных словосочетаний, в отличие от субстантивных, не влечёт за собой замену словосочетания на придаточное

предложение; синтаксическая структура словосочетания перестраивается и/или распространяется: напр., *weltalltrunken und menschheitlich-kulturpädagogisch* — **проникнутый восторгом перед вселенной и** *человечно-культурно-педагогический*.

Другая статистика характеризует перевод глагольных словосочетаний. Здесь на первое место выходит контекстуальный перевод; стремление передать при переводе новые общие коннотации глагольных компонентов обуславливает необходимость лексической замены, как правило, одного из них: напр., *treiben und schreiben magst* — *живешь и пишешь*, *lebe und webe* — *живу и творю*. Вторым по распространённости способом перевода стало калькирование на уровне дословных соответствий: напр., *bedrückt und beängstigt* — *угнетает и страшит*, *erstreben und erzwingen* — *добиваются и завоёвывают*. Таким образом, в большинстве примеров сохраняется синтаксическая структура парного словосочетания и семантическая близость его компонентов, поэтому такие трансформации, как добавления и опущения, используются реже: напр., *irgendwo starb und verdarb* — *где-то умер, где-то стал прахом*. Частотные в предыдущих двух частеречных классах замены членов предложения и частей речи либо не встречаются вовсе, либо зафиксированы в единичных случаях: напр., *muß gekegelt und getrunken sein* — *нужно играть в кегли и пить*. В данном примере также наблюдается единственный случай замены формы слова: немецкий пассивный залог передаётся на русский язык формой активного залога. О том, что область использования пассивного залога при переводе на русский язык ограничена, свидетельствуют выводы Л.С. Бархударова [31, с. 218].

Таким образом, наиболее распространёнными способами перевода субстантивных и адъективных окказиональных парных словосочетаний являются замена членов предложения, частей речи и добавление, а также их комбинации. При переводе глагольных словосочетаний, напротив, чаще всего используются лексические замены и калькирование на уровне дословных соответствий, то есть способы, направленные на сохранение

исходной синтаксической структуры и коннотаций. Такое различие обусловлено тем, что среди компонентов субстантивных и адъективных словосочетаний преобладают сложные слова, перевести которые на русский язык возможно только словосочетанием. Глаголы же отличаются сложностью не словообразовательной, а семантической структуры, появлением в составе словосочетания новых коннотаций и оттенков значения, что находит выражение в подборе переводчиком оптимальных контекстуальных соответствий.

Выводы по Главе 2

Во второй главе мы описали собственное исследование перевода окказиональных парных словосочетаний в письмах Т. Манна. Установив особенности эпистолярного жанра и индивидуального стиля Манна, мы разработали критерии выделения окказиональных парных словосочетаний с опорой на теоретические основы данной работы. Такими критериями оказались парная синтаксическая структура, синтаксическая, морфологическая, семантическая, фонетическая целостность, а также окказиональная сочетаемость компонентов. На основании данных критериев было выделено 215 примеров, которые затем были проанализированы с точки зрения способов их перевода на русский язык.

Для удобства анализа примеры были классифицированы по способам перевода и частеречным классам компонентов, далее для каждого частеречного класса были установлены и подробно описаны особенности перевода. В конце исследования был проведён сопоставительный анализ частеречных классов и выявлены различия при переводе данных классов словосочетаний.

В ходе анализа было установлено, что субстантивные и адъективные словосочетания (наиболее крупные частеречные классы) характеризуются сходным набором частотных способов перевода: замена членов

предложения, частей речи и добавление. Также распространены различные комбинации трансформаций и способов перевода. Наименьшая группа словосочетаний — глагольные — демонстрирует собственный набор частотных способов перевода, не аналогичный другим частеречным классам. В этой группе доминирует использование лексических замен и калькирования на уровне дословных соответствий. Такие различия в наборе частотных способов перевода объясняются синтаксическими, семантическими, морфологическими особенностями разных частеречных классов.

Заключение

Окказиональные парные словосочетания представляют особый интерес для исследований в области переводоведения, так как они сочетают в себе признаки единиц языка и единиц речи, фразеологизмов и окказионализмов. В последнее время многие лингвисты обращались к исследованию фразеологии и окказиональных единиц, но их пересечение — окказиональные парные словосочетания — до сих пор остаётся малоизученным. Их исследование важно, так как они весьма характерны для индивидуального стиля немецких писателей (в частности, Т. Манна) в качестве стилистического средства.

В данной работе мы рассмотрели понятие парного словосочетания и окказионализма, установили и описали основные способы перевода этих единиц, приведённые в современной лингвистической литературе. При сопоставлении позиций русских и немецких лингвистов по этим теоретическим вопросам были выявлены некоторые существенные расхождения в трактовке терминов (в частности, терминов «имя прилагательное» и «наречие» («адъектив» и «адверб») в пределах немецкой системы частей речи, а также термина «словосочетание» и некоторых видов переводческих трансформаций) и отсутствие единства терминологии (например, использование терминов «Okkasionalismus», «Ad-hoc-Bildung» и «Gelegenheitsbildung» для обозначения окказионализмов в немецком языке).

Определив для себя теоретическую основу исследования, мы с опорой на неё разработали критерии выделения окказиональных парных словосочетаний. Далее мы отобрали для изучения примеры из писем Т. Манна, сопоставили их с русскими переводными эквивалентами, выбранными С.К. Аптом, и проанализировали, какие способы передачи немецких окказиональных парных словосочетаний на русский язык использовал переводчик. В процессе анализа примеры были классифицированы по частеречной принадлежности компонентов и способам перевода. При помощи такой классификации были установлены особенности

применения данных способов к разным частеречным классам словосочетаний: субъективным, адъективным и глагольным. На основании проведённого анализа мы выявили наиболее распространённые способы перевода для каждого частеречного класса примеров.

Исследование показало, что стратегии перевода различаются для двух групп парных словосочетаний. Субстантивные и адъективные словосочетания чаще всего передаются на русский язык при помощи замены членов предложения, частей речи и добавления, а также комбинации этих трансформаций. При переводе глагольных словосочетаний преимущественно используются лексические замены и калькирование на уровне дословных соответствий. Такое разделение объясняется различием синтаксических, морфологических и семантических свойств глагола с одной стороны и именных частеречных классов с другой. Ведь в состав субстантивных и адъективных словосочетаний часто входят сложные по своей словообразовательной структуре слова, перевод которых на русский язык осуществляется целым словосочетанием. Глагольные компоненты, напротив, характеризуются сложной семантической структурой, приобретением новых коннотаций в контексте и, следовательно, требуют подбора контекстуальных соответствий. При этом предикативная позиция в предложении обуславливает стремление переводчика к сохранению исходной парной синтаксической структуры.

Результаты данной работы имеют теоретическую и практическую значимость для переводоведения, а также для письменного и устного перевода, так как окказиональные парные словосочетания употребляются и в литературной, и в разговорной сфере общения. Установление оптимальных способов их перевода имеет большое значение как для теоретического описания способов передачи безэквивалентной лексики, так и для практики перевода.

Список использованной литературы

1. Адмони В.Г., Сильман Т.И. Томас Манн. Очерк творчества. Ленинград: Советский писатель, 1960. 351 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
3. Андреева Е. А. Проблема перевода окказионализмов русских поэтов XX века на немецкий язык. Казань: Новое знание, 2002. 164 с.
4. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 81 с.
5. Быкова О.И. Авторский окказионализм как объект перевода // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 33—35.
6. Валгина Н.С. Современный русский язык: синтаксис: учебник. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
9. Гергиева З.Г. Парные словосочетания в системе немецкой фразеологии. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2006. 63 с.
10. Иванова Т.В. Функционирование парных словосочетаний как самостоятельных единиц // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 115—118.
11. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

12. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Альянс, 2013. 250 с.
13. Крюкова Н. Н. Ways of formation and translation of occasional words in fiction // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 175—177.
14. Левицкий В.В. Семасиология: монография для молодых исследователей. Винница: Нова Книга, 2012. 680 с.
15. Мырмина Д.Ф., Васеева А.С. Окказионализмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на материале произведений Стивена Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31), Ч. I. С. 114—117.
16. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 156 с.
17. Ольшанский И.Г. Парные сочетания слов современного немецкого языка: семантика, структура, сочетаемость: автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М.: 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горького, 1965. 25 с.
18. Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 416 с.
19. Остапова Л.Е. Особенности и признаки сложных окказиональных субстантивных номинаций в немецкой художественной литературе // Вестник ЧГПУ. 2009. № 3. С. 237—250.
20. Савицкий И.П. Критерии идентификации окказиональной лексики (на материале немецких печатных СМИ) // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57), Т. 2. С. 151—159.
21. Симутова О.П., Шидловская И.А. Способы передачи немецких окказионализмов в русском переводе произведения У. Тимма «Открытие колбасы «карри»» // Вестник ОГУ. 2014, ноябрь. № 11 (172). С. 162—166.

22. Смирнова Е.А., Кузнецова А.А. Способы и стратегии перевода авторских окказионализмов на примере романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и дары смерти» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21), Ч. II. С. 196—199.
23. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. М.: Издательство АН СССР, 1957. № 4. С. 64—73.
24. Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 153—167.
25. Ханпира Э. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972. С. 245—317.
26. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.
27. Читалина Н.А. Учись переводить (Лексические проблемы перевода). М.: Международные отношения, 1975. 80 с.
28. Шичкина М. Г. Способы перевода окказионализмов (на примере романа Джорджа Оруэлла «1984») // Молодой ученый. 2016. №3. С. 1108—1112.
29. Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 275 с.
30. Ahmad K. Neologisms, Nonces and Word Formation // Proceedings of EURALEX. 2000. С. 711—729.
31. Barchudarov L.S. Sprache und Übersetzung: Probleme der allgemeinen und speziellen Übersetzungstheorie / üb. ins Deutsche von M. Zwilling. М.: Progress, 1979. 261 S.
32. Barz I. Wortbildung und Phraseologie // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin, 2007. B. 1. S. 27—36.
33. Behaghel O. Die deutsche Sprache. Wien; Leipzig: F. Tempsky G. Freytag G. m. b. H., 1911. 381 S.

34. Burger H. Die Charakteristika phraseologischer Einheiten: Ein Überblick // Lexikologie: ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin, 2002. B. 1. S. 392—401.
35. Busse D. Wortkombinationen // Lexikologie: ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin, 2002. B. 1. S. 408—415.
36. Černyševa I. I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede: Lehrbuch. M.: Vysšaja škola, 1980. 144 S.
37. Delabastita D. Literary style in translation: Archaisms and neologisms // Translation: an international encyclopedia of translation studies. Berlin, 2004. V. 1. P. 883—888.
38. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 250 S.
39. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 1992. 375 S.
40. Hatim B., Munday J. Translation: An advanced research book. London: Routledge, 2004. 373 p.
41. Horst C. Okkasionalismen: Eine Analyse anhand ausgewählter Beispiele aus einer Wochenzeitung: Masterarbeit. Universität Pompeu Fabra, 2012. 44 S.
42. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiebelsheim: Quelle & Meyer Verlag GmbH & Co., 2004. 343 S.
43. Koller W. Probleme der Übersetzung von Phrasemen // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin, 2007. B. 1. S. 605—613.
44. Korhonen J. Phraseologismen als Übersetzungsproblem // Übersetzung: ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. Berlin, 2004. B. 1. S. 579—587.
45. Lewandowska-Tomaszczyk B. Lexical problems of translation // Translation: an international encyclopedia of translation studies. Berlin, 2004. V. 1. P. 455—465.

46. Ludwig K.D. Stilistische Phänomene der Lexik // Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin, 2009. B. 2. S. 1575—1594.
47. Motsch W. Übersetzbarkeit unter sprachlichen und textuellen Aspekten // Übersetzung: ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. Berlin, 2004. B. 1. S. 370—375.
48. Newmark P. A textbook of translation. Shanghai: Foreign language education press, 1987. 311 p.
49. Richter-Vapaatalo U. Zur Übersetzung von Phraseologie in Kinderliteratur, am Beispiel von Kästners „Pünktchen und Anton“. Sprachabhängig, kulturabhängig oder abhängig von der Kompetenz des Übersetzers? // Europhras 2008: Beiträge zur internationalen Phraseologiekonferenz vom 13.—16.8.2008 in Helsinki. Helsinki, 2008. S. 207—216.
50. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 1992. 306 S.
51. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde: Ein Handbuch für Lehrer und Studierende: Mit einer Einführung in die Probleme des sprachkundlichen Unterrichts. Berlin: Volk und Wissen, 1972. 344 S.
52. Smirnova E., Sadykova A., Davletbaeva D. The study of occasional words: theoretical aspect // Life Science Journal. 2014. № 11 (11). P. 532—535.
53. Stepanova M.D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache (Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
54. Zemsauer C. Wortschöpfungen für Zukünftiges in Franz Werfels Stern der Ungeborenen: Dissertation. Wien: Universität Wien, 2013. 225 S.

Словари и справочники

55. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

56.Зуев А.Н., Молчанова И.Д., Мурясов Р.З. и др. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М.Д. Степановой. М.: Русский язык, 1979. 536 с.

57.Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.Б. Голуб. М.: Айрис-пресс, 2005. 368 с.

Электронные ресурсы

58.Климас И.С. Оказиональное слово в разных языковых стратах // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3 (23), Т. 2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26> (дата обращения: 29.05.2017).

59.Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: «Флинта»; «Наука», 2003. URL: http://stylistics.academic.ru/264/Эпистолярный_жанр (дата обращения: 29.05.2017).

60.Duden. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 29.05.2017).

Источники примеров

61.Манн Т. Письма / пер. с нем. С.К. Апта. М.: Наука, 1975. 463 с.

62.Mann T. Briefe. Bd. I: 1889–1936 / Herausgegeben von Erika Mann. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1979. 588 S.

63.Mann T. Briefe. Bd. II: 1937–1947 / Herausgegeben von Erika Mann. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1979. 768 S.

64.Mann T. Briefe. Bd. III: 1948–1955 und Nachlese / Herausgegeben von Erika Mann. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1996. 656 S.

Список окказиональных парных словосочетаний в письмах Т. Манна и их переводных эквивалентов

Генриху Манну (13 февраля 1901):

- *Verödung und Verkünstelung* — опустошённость и неестественность
- *Gehobenheit und Sterbensekel* — восторженность и смертная тоска

Генриху Манну (7 марта 1901):

- *Schreiben und Auseinanderklauben* – писание и копание в себе

Хильде Дистель (14 марта 1902):

- *Recht und Pflicht* — право и долг
- *Tatsachen- und Fabel-Gerippe* – сюжетно-фактический костяк
- *Schluß- und Knalleffekt* – окончательная, огнестрельная развязка

Кате Прингсгейм (конец августа 1904):

- *die Schnellzufriedenen und Unwissenden* – нетребовательные и несведущие

Курту Мартенсу (28 марта 1906):

- *Deutlichkeit und Direktheit* — ясность и непосредственность
- *Lebhaftigkeit und Gegenwärtlichkeit* – живость и наглядность
- *muß gekegelt und getrunken sein* — нужно играть в кегли и пить
- *intelligentester und bestunterrichteter (Kritiker)* — самый умный и самый осведомленный (критик)

Генриху Манну (27 апреля 1912):

- *traum- und nebelhaft* — призрачны и туманны

Филиппу Виткопу (4 октября 1917):

- *Ausläufer und Spätling* — поздний отпрыск

Генриху Манну (3 января 1919):

- *habe gelitten und gerungen* — страдал и боролся

Иозефу Понтену (29 марта 1919):

- *Vermenschlichung und Entgiftung* — очеловечить и оздоровить

Густаву Блюме (5 июля 1919):

- *Dringlichkeiten und Zudringlichkeiten* — заботы
- *Ausholen und Dreinschlagen* — удар

Карлу Марии Веберу (4 июля 1920):

- *bewegt und bewegend* — взволнованный и волнующий
- *klug und klar* — умно и ясно
- *Sinnlichkeit und Sittlichkeit* — чувственность и нравственность
- *Familiensohn und Familienvater* – сын семьи и отец семейства
- *Vereinigung und Verständigung* — слияние и согласие

Стефану Цвейгу (28 июля 1920):

- *das Kühnste und Wissendste* — самое смелое и компетентное

Вольфгангу Борну (18 марта 1921):

- *Betonen und Heraustreiben* — подчеркнула и выпятила

В «Рупрехтпрессе» (25 марта 1921):

- *Krieg und Völkersturm* – война и народная буря
- *am homerischsten und naivsten* — самый близкий к Гомеру и самый наивный

Иде Бой-Эд (5 декабря 1922):

- *Sorge und Fürsorge* — заботливая тревога

Феликсу Берто (1 марта 1923):

- *unruhig und zerstreungsvoll* – беспокойный и рассеянный

Герберту Эйленбергу (6 января 1925):

- *(die) gelungenste und liebenswerteste (Gestalt)* — самая удачная и самая симпатичная (фигура)

Иозефу Понтену (21 января 1925):

- *Todes- und Lebensfeier* — поминальный праздник
- *Selbstverteidigung und Selbsterklärung* – самозащита и самообъяснение
- *(der) tiefste und deutscheste (Sinn)* – самый глубокий и самый немецкий (смысл)
- *Selbstzucht und –züchtigung* – самодисциплина, самоограничение

Иозефу Понтену (22 апреля 1925):

- *Teufelsknecht und Körperfürst* – состоящий на службе у дьявола властитель плоти

Гансу Пфитцнеру (23 июня 1925):

- *im Großen und Repräsentativen* — в великих и представительных образцах
- *Selbstverherrlicher und Selbstvollender* – сам себя славил и завершал
- *Seher und Führer* — ясновидец и проводник

Эрнсту Бертраму (28 декабря 1926):

- *Essen und Herumhocken* — сидение за столом

Вилли Гаасу (11 марта 1928):

- *Herz und Hirn* — сердце и ум

Артуру Гюбшеру (27 июня 1928):

- *überholt und überflüssig* — устарело и уже ни к чему
- *Politiker und Parteimensch* — политик и человек узкопартийный

Б. Фучику (15 апреля 1932):

- *empfänglich und erkenntlich* — горячая признательность
- *Erfrischung und Erneuerung* — освежение и обновление

- *aufs Großartigste und Amüsanteste* — самым великолепным и самым забавным образом
- *(die) utilitarisierteste und mechanisierteste (Gesellschaft)* — самое утилитарное, самое механизированное (общество)

Альберту Эйнштейну (15 мая 1933):

- *bedrückt und beängstigt* — угнетает и страшим

А.М. Фрею (30 декабря 1933):

- *Unterworfenheit und Entmanntheit* – поработченность и выхолощенность
- *sinn- und rechtloser (Weise)* — бессмысленно и противозаконно

Герману Гессе (3 января 1934):

- *Unterworfenheit und Entmanntheit* — покорность и выхолощенность
- *kühn und hoch-prekär* – смелый и крайне щекотливый
- *Gestaltgebung und Objektivierung* – придавать форму и объективизировать

Эрнсту Бертраму (9 января 1934):

- *ufer- und aussichtslos* — бесконечный и бесполезный
- *Druck und Drohung* — гнет и угроза
- *Sprech- und Schreibstil* — разговорный стиль и стиль письма
- *lebens- und todesernst* – жизненно и смертельно серьезный
- *Keckheit und Reinheit* — лихость и чистота
- *gewaltig und weltwirksam* – огромный, мирового значения

Карлу Кереньи (20 февраля 1934):

- *tierisch und satyrhaft* – полуживотное-полусатир
- *grob und vergröbernd* — грубый и огрубляющий
- *geist- und intellektfeindlich* – антидуховный и антиинтеллектуальный

Эрнсту Бертраму (30 июля 1934):

- *fromm und sinnig-geistvoll* – честный и умный

- *haben sich eingelassen und bloßgestellt* — увязли и оконфузились

Карлу Кереньи (4 августа 1934):

- *Lebens- und Arbeitskrise* — кризис и моей работы и жизни

Фердинанду Лиону (3 сентября 1934):

- *Welt- und Menschenmögliches* – путное для мира и человека
- *das Europäische und Gesittungsmäßige* – европейские рамки благовоспитанности

Хедвиг Фишер (2 ноября 1934):

- *Objektivierung und Distanzierung* — объективизировать, соблюдать дистанцию

Гарри Слочауэру (1 сентября 1935):

- *Entschluß- und Entscheidungslosigkeit* – нерешительность и нерешимость

Альфреду Кубину (9 сентября 1935):

- *Treue und Schläue* — преданность и хитрость

Рене Шикеле (16 декабря 1935):

- *Mit- und Nachwelt* — современники и потомки

Эдуарду Корроди (3 февраля 1936):

- *Drinnen oder Draußen* — местопребывание
- *Heim und Heimat* — дом и родина
- *Geistigkeit und Sittlichkeit* — интеллектуальность и нравственность
- *Latinität und Schweizertum* – латинская кровь и швейцарская
- *gestützt und genährt* — питаемый и подкрепляемый
- *Mit- und Nachwelt* — современники и потомки

Генриху Манну (2 июля 1936):

- *Gala-Oper und Festesserei* – оперная парадность и банкеты

Герману Гессе (23 февраля 1937):

- *reich und literaturfreundlich* — богатый и любящий литературу
- *wiederherstellend und zukunftsfreundlich* — проявлять тенденцию к восстановлению и дружелюбие к будущему

Джозефу Анджеллу (11 мая 1937):

- *Dichter- und Geisteswerke* — поэтические произведения и произведения умственные

Карлу Кереньи (6 декабря 1938):

- *Rokokomäßiges und Galantes* — элементы рококо и галантности

Карлу Кереньи (16 февраля 1939):

- *Dummheiten und Niedrigkeiten* — подлые глупости
- *erhole und erquicke* — отдыхаю

Генриху Манну (26 ноября 1939):

- *erschwert und verumständlicht* — затруднена и осложнена

Генриху Манну (3 марта 1940):

- *treiben und schreiben magst* — живешь и пишешь
- *Haß und Sühne-Begierde* — ненависть и жажда возмездия

Агнес Э. Мейер (25 мая 1940):

- *das Nicht Wissen und Nicht Wissen Wollen* — то, что не знали этого и не желали знать

Герхарту Зегеру (4 июня 1940):

- *Verleugnung und Vergewaltigung* — отрицая и попирая

Гамильтону Армстронгу (26 июня 1940):

- *Zeit- und Weltlage* — современное положение в мире

Людвигу Льюисону (30 сентября 1940):

- *Schild und Schutz* — защитная вывеска

Агнес Э. Мейер (24 января 1941):

- *Lebens- und Leidenspunkt* — вопрос жизни и причина страданий
- *Verblassen und Niedergehen* — меркнет и вянет

Агнес Э. Мейер (16 июля 1941):

- *reduziert und herabgestimmt* — в очень плохом и подавленном состоянии

Агнес Э. Мейер (7 октября 1941):

- *Freundin und Fürsprecherin* — друг и заступница
- *Krieg und Sieg* — война и победа

Агнес Э. Мейер (27 декабря 1941):

- *Ehr' und Zier* — почетное украшение
- *Unbereitschaft und Sorglosigkeit* — неподготовленность и беспечность

Агнес Э. Мейер (27 июня 1942):

- *Kriegs- und Friedensschriften* — писания о войне и мире
- *reizend und still-sublim (прил.)* — прелестно и без громкости величественно

Фридерике Цвейг (15 сентября 1942):

- *Zeit und Zukunft* — время и будущее

Жюлю Ромену (Рождество 1942):

- *verbrannt und verfemt* — сожжены и преданы поруганию

Агнес Э. Мейер (12 января 1943):

- *Selbstzüchtigung und Selbstverspottung* — самобичевание и самовысмеивание

Агнес Э. Мейер (17 февраля 1943):

- *lernend und lehrend* — учась и уча

Клаусу Манну (27 апреля 1943):

- *Inspiration und Genialisierung* — инспирация и гениализация

Бруно Вальтеру (6 мая 1943):

- *Zartheit und Reinheit* — нежность и чистота

Агнес Э. Мейер (26 мая 1943):

- *Schrecken und Staunen* — ужас и удивление

К.Б. Баутеллу (21 января 1944):

- *Werden und Wachstum* — становление и рост
- *Ruhe und Lebensbegehren* — покой и благополучие
- *bekennend und bewahrend* — выражающий и сохраняющий
- *Entfaltungs- und Vergeistigungsprozeß* — процесс развития и одухотворения

Эрнсту Рейтеру (29 апреля 1944):

- *sündhaft und weltfeindlich* — греховный, враждебный миру

Лиону Фейхтвангеру (апрель 1944):

- *klar- und scharfsichtig* — зоркий и прозорливый

Клифтону Фейдимену (29 мая 1944):

- *unschön und selbstzerstörerisch* — некрасиво и убийственно для себя

Агнес Э. Мейер (3 июня 1944):

- *ohne Kopfzerbrechen und Zeitverlust* — не ломая себе голову и не тратя времени
- *Mutterfreuden und -Ängste* — материнские радости и тревоги
- *wohlbehalten und ruhmbedeckt (прил.)* — невредимый и покрытый славой

Уильяму Эрлу Синджеру (13 августа 1944):

- *Farbe und Form* — цвет и форма
- *Leiden und Freuden* — страдания и радости
- *(einer der) leuchtendsten und bleibendsten* — (один из) самых ярких и прочных

Джузеппе Антонио Борджезе (21 марта 1945):

- *vermittelnd und verwirklichend* — посреднический, претворяющий в жизнь

Герману Гессе (8 апреля 1945):

- *reif und reich* — зрелый и богатый
- *verwuchert und arabeskenreich* — избыточность, замысловатость

Вальтеру фон Моло (7 сентября 1945):

- *analphabetisch und mörderisch* — безграмотный и злобный
- *Namen und Weltnamen* — имена и мировые имена
- *(sich zum) Schild und Vorspann (hergeben)* — покрывали и помогали
- *lebe und webe* — живу и творю
- *Seelen- und Gedankennot* — нравственная боль

Виктору Манну (15 декабря 1945):

- *ausführlich und erbittert* — подробно и горько

Теодору В. Адорно (30 декабря 1945):

- *offenkundig und citatweise* — открыто и оперируя цитатами
- *ausdrücklich und nachdrücklich* — ясно и убедительно

Пьеру-Полю Сагаву (28 января 1946):

- *Kämpfe und Krämpfe* — борьба и муки

В редакцию журнала «Фрайес Дойчланд» (6 февраля 1946):

- *Jugend- und Mannesjahre* — годы юности и зрелости
- *Seher und Bildner* — ясновидец и воспитатель
- *Kühnheit und Selbstgewißheit* — отвага и убеждённость

Гансу Фридриху Блунку (22 июля 1946):

- *herz- und hirnlos* — бессердечный и безмозглый

Бруно Вальтеру (15 сентября 1946):

- *rätselhaft und todbeschattet* — загадочный, осененный смертью
- *Liebe und Lust* — любовь и радость

Отто Базлеру (23 сентября 1946):

- *Glanz und Glori* — великоление

Рудольфу Кайзеру (8 ноября 1946):

- *klar und wahr* — ясно, наглядно и достоверно

Гансу Поллаку (29 декабря 1946):

- *Gesundheit und Lebensgerechtheit* — здоровье и жизнеспособность

Герберту Франку (19 марта 1947):

- *einzel und einmalig* — отдельный и уникальный
- *Herum- und an einander vorbei-Gerede* — болтовня вокруг да около

Виктору Манну (27 марта 1947):

- *die Retter und Rächer* — спасители и мстители

Лиону Фейхтвангеру (9 октября 1947):

- *Wohlgeübtheit und Erfahrung* — умелость и опыт

Агнес Э. Мейер (10 октября 1947):

- *Erklärung und Belehrung* — объяснить и вразумить

Эмилю Престориусу (12 декабря 1947):

- *ausgetragen und ausgebaut* — выношенный и выстроенный
- *Wissen und Weisheit* — знание и мудрость
- *(nie) Vorgekommenes und Zugestoßenes* — совершенно новое
- *Dummheit und Bosheit* — глупость и злобность

Вальтеру Кольбу (4 января 1948):

- *Übergangs- und Anpassungskrise* — кризис перехода и приспособления

Гейнцу-Винфриду Забаису (9 февраля 1948):

- *verwandt und vertraut* — родственно и близко

Хайди Хайман (10 марта 1948):

- *Musiker- und Musikroman* — роман о музыканте и музыке

Герману Гессе (1 июня 1948):

- *ins Nürrische und Donquijoteske* — дурацкое донкихотство

Вернеру Шмитцу (30 июля 1948):

- *fein und rein* — тонкий и чистый
- *Blondheitsmythos und Edel-Nationalismus* — миф о белокурых и аристократический национализм
- *Champion und Wortführer* — поборник и выразитель
- *(seinem eigenen) Wunsch und Willen* — ему самому

В «Сатерди Ревью оф Литеречур» (10 декабря 1948):

- *(Ideen des) Verfolgt- und Bestohlenseins* — роль преследуемого и обкрадываемого

Герману Гессе (6 июля 1949):

- *viel und gramvoll* — сильно и грустно

Генриху Манну (14 июля 1949):

- *kühl und überkonzentriert* — холодный и сверхсосредоточенный

Людвигу Кунцу (5 августа 1949):

- *Anpassungsschwierigkeiten und -Nöten* — тяготы и трудности переходного периода

Эмилю Прееториусу (20 октября 1949):

- *Nein und Pfiu* — отвращение и ненависть
- *Geschrei und Gespei* — плевки и вопли
- *(in) zerlumptem und zerdeppertem (Zustand)* — в лохмотьях и развалинах

Вилли Штернфельду (3 ноября 1949):

- *Frechheit und Dummheit* — наглость и глупость

Зигфриду Марку (1 января 1950):

- *Plan- und Einheitswelt* — мир, где царят план и единство

Эмилю Бельцнеру (24 мая 1950):

- *Gunst und Sonne* — сочувствие и солнце

Теодору В. Адорно (11 июля 1950):

- *deutschfreundlich und emigrationsfeindlich* — германолюбы и антиэмигранты
- *Retouchen und Erniedrigungen* — подретушировать и опошлить
- *Danebengehendes und Fehlendes* — неточности и пробелы

Г.Д. Зандеру (26 октября 1950):

- *überoriginell und gesucht* — оригинальный и надуманный

Мартину Флинкеру (21 ноября 1950):

- *mit Sinnen und Nerven* — всеми чувствами, всеми нервами
- *Geist und Nichtstun* — дух и безделье
- *Absinthbrüder und Bohemiens* — потребители абсента и дети богемы

Агнес Э. Мейер (31 января 1951):

- *erstreben und erzwingen* — добиваются и завоёвывают

Отто Базлеру (4 февраля 1951):

- *uralt und abgenutzt und welt- und meinungsmüde* — древний, изношенный, уставший от мира и от мнений

Вернеру Веберу (6 апреля 1951):

- *verrucht und boshaft-nihilistisch* — нечестивый, злобно-нигилистический
- *Spätgekommener und Letzter* — запоздалый и последний

Эриху фон Калеру (23 апреля 1951):

- *Choc und Riß* — потрясен и ошеломлен

Юлиусу Бабу (30 мая 1951):

- *Barock- und Luther-Deutsch* — немецкий язык барокко и Лютера

Шарлотте Кестнер (18 июня 1951):

- *psychologisch und leitmotivisch* — психологически и как лейтмотив

Лиону Фейхтвангеру (6 августа 1951):

- *gauklerisch und übermütig* — фиглярство и озорство

Ирите ван Дорен (28 августа 1951):

- *Durchsichtigkeit und Sprechbarkeit* — прозрачность и удобопроизносимость
- *das Olympische und Pompöse* — олимпийство и напыщенность

Герману Гессе (14 октября 1951):

- *Geschichtlichkeit und Geistigkeit* — историчное и духовное
- *(zu meiner) Beruhigung und Befestigung* — к моему успокоению и вящей моей твердости

Генри Хэтфилду (19 ноября 1951):

- *stilisieren und symbolisieren* — стилизовать и символизировать

Паулю Аманну (23 декабря 1951):

- *Historie und Poesei* — история и сочинительство

Эмилю Прееториусу (11 марта 1952):

- *gerät und mißrät* — сбивается
- *Lese-Zumutungen und Briefschulden* — когда меня просят что-то прочесть или нужно ответить на письма
- *traumschnurrig-hintergründig und korrekt* — забавный, как сон, глубокий и корректный

Фердинанду Лиону (13 марта 1952):

- *(nie) verlassen und verloren* — не покидал и не терял
- *wirklich und ehrlich* — на самом деле и честно

Карлу Кереньи (20 марта 1952):

- *Wohl- und Mißgestalten* — *благообразные и безобразные персонажи*

Фердинанду Лиону (28 апреля 1952):

- *hoch- und zartgestimmt* — *с подъёмом и нежностью*
- *schwierig und langwierig* — *тяжелы и длительны*

Фредерику Розенталю (5 мая 1952):

- *bemerkbar oder vermutbar* — *нельзя ли заметить или предположить*

Герману Гессе (14 июня 1952):

- *rein und frei* — *чисто и свободно*

Альбрехту Гёзу (16 июня 1952):

- *herein- und weghuschend* — *прошмыгивающий в комнату и из комнаты*

Эрике Шарлотте Регуле (9 августа 1953):

- *Spott- und Dummheitsliedchen* — *глупо-насмешливые песенки*

Гансу Райзингеру (8 сентября 1953):

- *Störungen und Müdigkeiten* — *помехи и усталость*

Феликсу Хензелейту (8 мая 1954):

- *Beifall und Zulauf* — *огромный успех*

Максу Штефлю (16 мая 1954):

- *Wert und Wichtigkeit* — *ценность и важность*

Эрике Манн (7 июня 1954):

- *flau und flüchtig* — *вяло и кое-как*

Эриху фон Калеру (12 августа 1954):

- *Ansehen und -hören* — *созерцание и слушанье*

Агнес Э. Мейер (9 февраля 1955):

- *Fürstin und Freundin* — *княгиня и друг*

- *liebe- und mühevoll* — любовный и усердно-деятельный

В редакцию «Зонтага» (19 февраля 1955):

- *weltalltrunken und menschheitlich-kulturpädagogisch* — проникнутый восторгом перед вселенной и человеечно-культурно-педагогический

Герману Ланге (19 марта 1955):

- *starb und verdarb* — умер, стал прахом

Францу К. Вайскопфу (8 апреля 1955):

- *Willen und Wert* — смысл и качество
- *froh und frei* — радостный и свободный

Альбрехту Гёзу (17 апреля 1955):

- *Gnad und Fried* — милость и мир

Гвидо Девескови (1 мая 1955):

- *deutsch-traditioneller und musiknäher* — более традиционно-немецкий, более близкий к музыке

Карлу Бахлеру (8 июля 1955):

- *Stück oder Un-Stück* — пьеса или не пьеса

Генри В. Бранну (16 июля 1955):

- *Vorsicht und Rücksicht* — осторожность и осмотрительность
- *erfrischend und ernüchternd* — освежающий и отрезвляющий